

НЕЖНОСТЬ — ЛУЧШЕЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Ищите кота

Наталья Нестерова
Ищите кота
Серия «Между нами, девочками.
Истории Натальи Нестеровой»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694845

Ищите кота: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-139409-7

Аннотация

Как быть, если в самый неподходящий момент застала любимого супруга с лучшей подругой? Земля уходит из-под ног, недостижимый шеф оказывается в курсе твоих проблем, зато теперь его подозревают в бурном романе... именно с тобой! Честные и ветреные жены, вредные и самоотверженные свекрови, благородные и коварные мужья... Наталья Нестерова – признанный мастер рассказа. А пишет она, так или иначе, о любви. Всегда есть проверенный рецепт удачи: ищите кота! При чем здесь кот? Откройте книгу, вас ждет сюрприз!

Содержание

ИЩИТЕ КОТА	4
РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ	57
ОТЕЛЛО В ЮБКЕ	75
ГОРОШИНА ТРОТИЛА	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Наталья Нестерова

Ищите кота

ИЩИТЕ КОТА

Дина извинилась. В подобной ситуации ничего глупее было сделать нельзя. Дина застыла в проеме двери и смотрела на мужа и лучшую подругу Настю, которые лежали на диване в недвусмысленной позе.

– О! – задохнулась Дина. – Извините!

И улыбнулась. Было так больно, что даже смешно. Наверное, это и называется парадоксальной реакцией – когда мимика, движения, слова, поступки не соответствуют внезапному шоку. Как если бы человеку отрубили руку, а он продолжил рассказывать начатый анекдот.

«Лучше руку отрубить, – стучало в голове у Дины обрывочно, – и анекдот, и пусть две руки, и ноги, и голову, только не это».

Она повернулась и пошла к выходу. Минуту назад она влетела домой радостная и веселая. Одна минута между счастьем и крахом, между жизнью и смертью. Будто полет пули. Сколько пуля пролетает за минуту? Не важно, ведь убивает наповал.

Дина шла по улице, никого не замечая. Ее постоянно толкали. Людской поток сродни муравьиному – каждая особь петляет, лавирует, избегает столкновений. Дина двигалась как заведенная игрушка – строго прямо, не отклоняясь, поэтому ее толкали и бранились в спину: «Смотреть надо!», «Слепая?» и даже «Куда прешь?». Дина ничего не слышала, да и не видела. Если бы в эту минуту с неба спустился корабль инопланетян, то Дина осталась бы единственным человеком, равнодушным к небывалому событию. У нее перед глазами не было спешащих людей, проносящихся мимо автомобилей, ярких витрин магазинов, деревьев, укутанных дымкой молодой июньской листвы. Только голограммой маячил перед лицом снимок Сергея и Насти. Они лежат, он сверху, она снизу, головы повернули к ней. Почему-то выражения лиц не рассмотреть. Досада, стыд, испуг – что на лице? Не запомнилось. Но четко – грудой сброшенные джинсы, его и ее, Настина белая ляжка, волосатая нога Сергея, его рука, заведенная под ее ягодицы. Настя в красной кофточке, на Сергее синяя футболка – они голые только снизу, а до пояса одетые. Торопились.

Спустившись по лестнице в метро, толкнув стеклянные двери, Дина подошла к турникету, достала из кармана жакета проездной, загорелся зеленый огонек, она двинулась дальше. Подошел поезд, Дина вошла в вагон, взялась за поручень. Она не проехала станцию пересадки, вовремя вышла, перешла на другую линию. Она двигалась по привычному

маршруту – на работу. Могла бы проделать путь с закрытыми глазами, так, собственно, сейчас и было. Дина не знала, зачем она едет на работу. После каждого слова можно поставить вопросительный знак. Зачем едет? Зачем на работу? Зачем она? На последний вопрос, пожалуй, есть ответ. Она – ни к чему и теперь ни к кому, она – даже не тряпка, о которую вытерли ноги. Тряпка материальна, а Дина – ничто, вакуум, дырка в пространстве.

Она не тронулась умом, решив проделать обратный путь, как открутить назад кино, в котором случилось плохое, чтобы начать с точки благополучия заново. Ума у Дины не было, и тронуться было нечему, как не было мыслей, чувств, эмоций. Она не отличила бы сейчас жар от холода, благоухание роз от запаха керосина, акулы от лягушки, раскат грома от шепота травы. Вероятно, напуганный громадным стрессом организм заставлял ее тело двигаться, и оно автоматически шествовало по рутинному маршруту.

Пройдя через сквер, Дина вошла в здание. Тут находилась фирма по поставке медицинского оборудования, в которой Дина работала заместителем начальника финансового отдела.

– Добрый вечер! – приветствовал ее охранник. – Забыли что-нибудь?

Дина молча прошла мимо, даже не повернув головы. Охранник удивился: Дина всегда приветлива, вежлива. И обиделся: вот такие они, женщины, – то все из себя ласко-

вые, то, как на хвост им наступят, в упор не видят.

– Дина? Вы ко мне?

Она уткнулась в исполнительного директора Максима Буданова. Она бы в него врезалась, не посторонись Максим. Он только вышел из своего кабинета, в руках держал портфель. Его кабинет был последним по коридору, дальше просто некуда было идти.

– Что? Да, – пробормотала Дина.

Максим открыл ключом замок, который только что закрыл, распахнул дверь:

– Проходите!

Она послушно вошла, села на стул справа от приставного столика. Она уже тут сидела час или два назад. Приходила устраивать на работу свою подругу Настю. В фирме искали менеджера в отдел по продажам перевязочных материалов. Дина рекомендовала Настю, говорила об ее активности, коммуникабельности. Раньше работала в нескольких торговых фирмах различного профиля, хотя по образованию логопед. Опять-таки медик, специфику легко освоит. Буданов согласился взять Настю, с испытательным сроком, конечно.

Дина позвонила подруге:

– Приезжай к нам, у меня отличная новость!

– Уже на месте, – весело сообщила Настя.

И Дина подумала, как это славно, что Настена к ним заглянула, и летела домой как на крыльях, несла в клювике радостную весть. А потом ее подстрелили – от птицы осталась

только куча кровавых перьев.

– Дина! – позвал Буданов. – Я вас слушаю.

Он уже несколько минут сидел напротив нее. Дина молчала, смотрела куда-то мимо его уха.

– Дина! – повысил он голос.

Она перевела взгляд на Максима, теперь она смотрела ему прямо в глаза, но сквозь глаза, точно Максим был стеклянным или вовсе невидимым. Дина выглядела как человек, получивший страшную информацию, в которую никто не поверит, хотя она достоверна. Например, что завтра начнется мировая атомная война и все погибнут.

– У вас все в порядке? Вы о чем-то хотели со мной поговорить? – Максиму ничего не оставалось, как задавать вопросы. – Может, воды?

Он встал, достал из встроенного холодильника бутылку воды, налил в стакан, протянул:

– Дина, вы хотите воды?

Никакой реакции.

– Очнитесь, наконец! Или я вылью эту воду вам на голову!

Угроза не подействовала. Максим поставил стакан на стол, двумя руками взял Дину за плечи и потряс:

– Эй! Ау! Ку-ку! Вы на планете Земля. Просыпайтесь!

– Что вы делаете? – подала голос Дина.

Максим обошел стол и снова сел напротив нее.

Дина озиралась по сторонам, явно не помня, как она здесь

оказалась. Потом требовательно уставилась на Максима:

– Зачем вы меня пригласили?

– Я пригласил?

Дина ждала ответа с хмурой гримасой, не скрывая, что любые разговоры ей сейчас вести недосуг.

– Строго говоря, пригласил, – согласился Максим.

– Я вас слушаю.

– Э-э-э, – не знал он, о чем вести речь. – Хочу напомнить, некоторое время назад мы уже здесь с вами общались. Вы просили о своей подруге...

Он запнулся на полуслове, потому что Дина вдруг дернулась, как от удара плетью.

– Извините! – вскочила она. – Я не могу сейчас разговаривать. Простите! Я постоянно извиняюсь, – бормотала она, шагая к окну. – Как это глупо.

Перепутав направление, Дина уткнулась в окно, несколько секунд ей понадобилось, чтобы понять – через окно наружу не выходят. Она отвернулась, нашла глазами дверь и двинулась на выход.

Для Максима это был бы очень удобный вариант развития событий. Максим устал, был голоден, через полтора часа по телевизору покажут футбольный матч, который он хотел посмотреть. С другой стороны, бросить человека в том состоянии, в котором находилась Дина, было бы полнейшим свинством. Ее надо передать на руки близким или сдать психиатрам, если она скоропостижно чокнулась. Хотя последнее –

вряд ли. Сумасшедшей Дина не выглядела, скорее – потрясенной, эмоционально контуженной каким-то горем.

Максим схватил портфель и поспешил из кабинета. Закрывая дверь, крикнул в спину Дине:

– Подождите!

Она не слышала, не остановилась. Максим догнал ее на середине коридора, взял за локоть:

– Дина, давайте я вас провожу.

Ни на его прикосновение, ни на предложение Дина никак не отозвалась. Мимо охранника они прошествовали как парочка, связанная особыми отношениями: безучастная Дина, заглядывающий ей в лицо, придерживающий ее за руку Максим. Он повернул голову и попрощался с охранником, она не проронила ни слова.

«Ага! – сделал выводы охранник. – Оказывается, у Буданова с Диной роман. А ведь она замужем. Теперь она залетела, дело житейское, пришла к Максиму права качать, а он – в кусты, мол, сама не маленькая, знала, на что шла. Но Буданов боится, как бы Дина шум не подняла. Известное дело: баба залетает, а мужику расхлебывай, уговаривай ее аборт сделать».

Как большинство людей, которые маются от оплачиваемого безделья, охранник любил сплетничать и с удовольствием предвкушал, как завтра расскажет администратору Катерине про шуры-муры Буданова и Дины из финансового отдела.

Здание, в котором находилась их фирма, окружал небольшой сквер. Дина пошла не к выходу, а по аллее сквера. Максим давно отпустил ее руку, перестал задавать вопросы, просто шел рядом.

Все женщины делились для Максима на два разряда: женщины-да и женщины-нет. Женщины-да не обязательно были доступными особами легкого поведения. Доступность могла быть очень-очень теоретической, но присутствовали кокетство, игривость во взгляде, заигрывание в манерах, ужимках. Они как бы говорили: «Ты мне друг, товарищ, коллега. Но ты еще и мужчина – я это вижу, чувствую, знаю. А ты видишь, что я женщина?» Для женщин-нет после списка «друг, товарищ, коллега» стояла точка, и продолжения не следовало. Самое удивительное, что даже среди незамужних, одиночек, которым по определению следовало вести себя призывно, заигрывать, встречались женщины-нет. В них отсутствовало внешнее, трудно описуемое словами проявление биологической сущности. Проще говоря, инстинкт самки. В природе самки и самцы исполняют ритуальные танцы, даже если знают, что в итоге акта совокупления не случится. У бывшей жены Максима «Да! Да! Да!» было написано на лбу большими буквами. Просто он не умел читать, когда женился, и в годы супружеского бытия этой грамоты не освоил. Дина была женщиной-нет. Среднего роста, с ладной фигуркой и милым улыбчивым лицом. Но ее частые улыбки не несли никакого сексуального подтекста, точно улыбки ребенка. С пер-

вого взгляда было понятно, что Дина прочно и счастливо замужем, что она относится к тем женщинам-нет, которые выходят замуж, как принимают схиму.

Зазвонил сотовый телефон Максима. Дина вздрогнула и остановилась. Он ответил на звонок, наблюдая за переменой в лице Дины. Похоже, она снова пришла в себя.

Максим быстро свернул разговор и спросил:

– Что у вас случилось? Вы кого-то потеряли?

– Да, мужа.

– О! Соболезную. Он умер, погиб?

– Нет, я умерла.

– Понятно.

Ему действительно было понятно, что случилось с Диной. Ситуация типичная, хоть и болезненная. Дина не первая и не последняя, кто узнал об измене мужа. Особого сострадания Максим не испытывал. На голодный желудок высокие чувства его не посещали.

– Смею заметить, – говорил Максим, – что внешне вы вполне живая, и торопиться на тот свет не следует, мы там проведем всю вечность...

Дина вдруг стала преображаться на глазах. Она улыбнулась сначала робко, потом шире, облегченно вздохнула.

Нашелся выход! Разом избавиться от этой невыносимой боли унижения, бессмысленности существования, черного смолянистого мрака, в котором невозможно дышать. Есть выход – надо покончить с собой. Сразу будет покойно, лег-

ко, уже сейчас, когда пришла спасительная мысль, стало свободнее в груди и светлее в голове.

– Черт! – выругался Максим.

Он прекрасно видел, что происходит с Диной. Получилось, что он невольно подтолкнул ее к суициду. А ведь все сложилось почти удачно – Дина очухалась, можно было ее оставить и пойти, наконец, ужинать. Теперь же, пока он набивает брюхо, она бросится с моста или под поезд. Анна Каренина, ексель-моксель!

– Послушайте, Дина... – хмуро начал он.

– Как вы тут оказались? – перебила она.

– Так же, как и вы. Мы с вами гуляем, уже пять кругов нарезали вокруг здания.

– Да? Я не заметила. Вы идите, Максим! А я еще поброжу.

Ей очень хотелось, чтобы он ушел. Предаться в одиночестве счастливым, утешительным мыслям о самоубийстве. Смаковать их, тешиться, крутить во все стороны, примерять и так и эдак. Дина внутренне ликовала, приятно было снова видеть и слышать, мыслить связно и логично. С глаз точно спала пелена, из ушей и ноздрей вынули ватные затычки, окружающий мир вернулся – заблестел, зазвучал, запах.

– Всего доброго, Максим! – попрощалась Дина.

– Ничего доброго! – огрызнулся он. – У вас есть дети?

– Да.

– Дочь?

– Да. То есть нет. Сын. О, ужас! – Дина со стоном закрыла

лицо руками.

– Вот именно! – поддакнул Максим.

Дина вспомнила свой навязчивый страх в детстве – страх маминой смерти. И ее собственный сын, пятилетний Сережа-маленький, недавно попросил:

– Мама, скажи мне точно, когда ты умрешь, чтобы я подготовился.

– Не нужно готовиться, сыночек. Это будет еще очень-очень не скоро. Я буду старенькая, а ты совсем взрослый.

– Какая старенькая, как бабушка Оля? – требовал конкретизировать сын.

– Намного старше. Бабушка Оля у нас в полном расцвете сил. Такая старенькая, как на рисунке в книжке со сказками.

– В платочке?

– В платочке, – согласилась Дина.

– Ты умрешь, – продолжал уточнять Сережа-маленький, – когда начнешь носить платочек?

– Можно и так сказать. – Дина посчитала нужным свернуть тему. – А ты знаешь какой будешь взрослый?

– Как папа?

– Еще взрослей. И у тебя, – грозным голосом заговорила Дина, – будет расти борода. Вот тут, тут и тут. А здесь усы, – щекотала она сына. – И в других местах появятся волосики. Еще не появились? – Она забралась ему в подмышки. – Ой, что-то есть! Тут живет смешинка.

Сережа-маленький хохотал и счастливо верещал. А потом

он забрался в ее шкаф, вытащил все шейные платки и косынки, заодно прихватил шарфы и выкинул в мусорное ведро.

– Не слишком ли круто ты обошлась со своим гардеробом? – спросил вечером муж, Сережа-большой.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Дина.

– Я только что отнес на помойку ведро, набитое твоими платками.

– Как отнес? – ахнула Дина. – Как на помойку?

Она не может покончить с собой, потому что жизнь сына во сто крат дороже ее собственной. Открывшаяся было дверь с надписью «Запасной выход» ей не подходит. Нужно повернуться и идти в другую сторону, снова во мраке, без кислорода, без надежды.

Максим наблюдал очередное превращение Дины из разумного человека в зомби. На ее лице застыла улыбка, но это уже была улыбка жалкой сомнамбулы, которая бродит во сне с открытыми невидящими глазами.

– Пойдемте! – взял Максим Дину за локоть и повел к выходу.

Она безропотно, механически подчинилась. Если бы он оставил ее на скамейке и сказал: «Сидите!» – она бы сидела. Если бы развернул от себя и велел идти в противоположную сторону, она бы пошла. На более сложные команды: «Говорите!», «Отвечайте!» – Дина не реагировала. Максиму не удалось узнать, где она живет, по какому номеру можно свя-

заться с ее родными. И советы не расстраиваться, не отчаиваться, потому что все пройдет, зарубцуются, были пропущены мимо ушей.

Два вопроса: «Как он мог?» и «Как она могла?» – сначала просто стучали в Дининой голове. Потом вырвались наружу, разрослись до гигантских размеров, одеревенели, превратились в ящик, который накрыл Дину. Ящик напоминал крышку гроба. Она не пропускала воздух, звуки, но под нее свободно заползали другие вопросы-муравьишки, упрёки-букашки, обиды-жучки. В душном темном гробу насекомые кусались безжалостно.

Дина очнулась от боли в пальцах. Они с Максимом сидели друг напротив друга на диванчиках в полутемном ресторане. Столики отгорожены высокими панелями, тихо звучит музыка, слышен гомон и звон приборов. Дина не помнила, как они сюда пришли, как Максим сделал заказ официанту. Максим крепко сжимал ее кисть.

– Ой! – Дина попыталась выдернуть руку.

Максим ослабил захват, но руку не отпустил.

– Навели на резкость? – спросил он. – Я, конечно, благодаря кинематографу знаю, как выводить людей из ступора. Но представьте, как это будет выглядеть, когда я начну вас хлестать по щекам, брызгать водой? Очнулись? Прекрасно.

– Ресторан? – удивленно оглянулась по сторонам Дина.

– Ресторан, – подтвердил Максим. – Сейчас вы будете есть и пить. Сначала пить.

Он пододвинул к ней пузатый фужер, наполовину наполненный коричневой жидкостью.

– Коньяк. В лечебных целях. Быстро выпить.

– Я не пью.

– Пьете! Или я насильно волью, предварительно надавав по физиономии. Я не шучу!

«И вы мне порядком надоели, – добавил он мысленно. – Что б мне было уйти с работы на полчаса раньше».

– Но... – начала Дина.

– Никаких но! – жестко сказал Максим.

– Хорошо, – неожиданно согласилась Дина.

Подчиняться чужой воле – это тоже выход. Не нужно терзаться, принимать решения, можно тупо, не рассуждая, выполнять приказы.

– Пейте! – повторил Максим и вложил в руку Дины фужер.

– А вы?

– А я за рулем. На раз-два-три. На выдохе. Вздохнула, выдохнула. Раз, два, три!

Дина зажмурила глаза и выпила половину, огненный остаток не лез в горло.

Но Максим не позволил опустить фужер, придержал своей рукой:

– До конца. Не дышать! Это лекарство. Молодец! Сейчас

полегчает. Как ощущения?

Дина прислушалась к себе. Ощущение было такое, что коньяк, минуя органы пищеварения, сразу поступил в кровь, растворил внутреннюю дрожь, согрел.

– Лихо! – оценила Дина и свои ощущения, и командирские замашки Максима.

Официант поставил перед ними большие тарелки с салатами.

– А теперь ешьте! – велел Максим и сам принялся орудовать ножом и вилкой.

– Спасибо, не хочется.

– Через не хочется! Сытое брюхо к горю глухо.

– К ученью.

– Что?

– Пословица звучит: сытое брюхо к ученью глухо.

– Сойдемся на том, что оно ко всему глухо: к ученью, к горю, к любви, к ненависти. Вам сейчас требуется сытое, пардон, брюхо? Требуется! Вот и ешьте без капризов.

Обычно у Дины пропадал аппетит во время болезней, острых переживаний. В институте за сессию она теряла по пять килограммов. Когда хворал сын, не могла себя заставить ложку супа проглотить. После того что сегодня случилось, у Дины должна была начаться злостная анорексия. Она с легким ужасом смотрела на тарелку размером с небольшой тазик, на гору салата «Цезарь» – столько она и в добром здравии осилить не смогла бы.

– Приступайте! – с набитым ртом приказал Максим. – За маму, за папу и за себя любимую. Вы уже поняли, что со мной шутки плохи?

– Да, – кивнула Дина, наколола листочек салата и отправила в рот.

Когда официант принес горячее, тарелка Максима была чиста, а Дина справилась с третьей салатом. В одной руке официант держал тарелку с рыбой, зажаренной на гриле, в другой – сочный стейк с гарниром.

– Рыба или мясо? – спросил Максим Дину.

Она помотала головой и посмотрела на него жалобно.

– Значит, даме рыбу, – постановил бессердечный Максим.

К своему удивлению, Дина съела почти всю порцию, рыба была отменно вкусной. Потом они выпили зеленого чая. От коньяка и обильной еды Дина слегка осоловела. Ее уже не накрывало страшной гробовой крышкой. Боль поселилась внутри, в сердце. Точно в него вживили маленького ежика с очень острыми иголками. Но если забыть про ежика и дышать не глубоко, а мелко, то иголки почти не кололись, не дырявили сердце насквозь, и оно почти не кровоточило.

Максим расплатился, они вышли на улицу, сели в его машину.

– Куда вас отвезти, Дина?

– Куда? – переспросила она и почувствовала, как иголки зашевелились.

– Может быть, к родителям?

– Мама с сыном в доме отдыха.

«Если бы Сережа-маленький был дома, – подумала Дина, – этого бы не случилось. Но, может, это у них не в первый раз, а триста двадцатый. Как больно!» Иголки впились в сердечную мышцу.

– Тогда к подруге?

«Моя единственная любимая подруга меня предала. Конечно, есть еще Настя, и Света, и Наташа. Но заявиться к ним на ночь глядя? Все рассказать? И домой я ехать не могу. Увидеть Сергея, объясняться с ним? Не выдержу. Ежик в груди раздуется, от сердца ничего не останется, а ежик будет все расти, и я превращусь в кровавый фарш. Только при мысли о Сергее мне нехорошо. Зачем так больно умирать?»

При скудном освещении салона Максим увидел, как побледнела Дина. Она дышала мелко-мелко, хваталась за грудь.

– Вам плохо? – испугался Максим.

В милой комедии «Французский поцелуй» главной героине, которая собралась падать в обморок, герой делает лечебную гимнастику: хватает за голову и начинает ее качать, опускает-поднимает, вверх-вниз, до коленей и обратно. И еще где-то, не помнит где, Максим слышал о таком способе первой помощи – обеспечить прилив кислорода к мозгу. Или отлив? Не важно.

Максим захватил Динин затылок и силой послал ее голову вперед и вниз. Во «Французском поцелуе» Мег Райан

сидела на стуле, и Кевин Клайн свободно качал ее голову вверх-вниз. Дина находилась в автомобиле, поэтому первая помощь, оказанная Максимом, обернулась тем, что он с размаха шмякнул Дину головой о панель приборной доски.

– А-а-а! – завопили они хором.

Максим – от раскаяния, потому что он не собирался колотить головой дамы о панель. Дина – от ужаса, потому что Максим сошел с ума и стал драться.

– Простите! Ради бога, простите! – умолял Максим. – Я не хотел! То есть я хотел вам обеспечить прилив, он же отлив крови... или кислорода? Словом, хотел помочь, вы так жутко побледнели. Вам очень больно?

Дина прислушалась к себе. На лбу саднило, но сердце не болело! Исчезли иголки, спрятался ежик, и сердце стучало как обычно. Вернее, его не было слышно.

– Какой кошмар! – сказала Дина.

– Не то слово! – подхватил Максим. – Тысячу раз извините! Вам нужно что-то холодненькое приложить, – суетился он, вытащил ключи зажигания и протянул Дине.

«Какой кошмар! – думала она. – Чтобы избавиться от сердечной боли, мне нужно было получить по башке. Надо поискать в Интернете объявления для мазохистов. Что-нибудь вроде “За пять сеансов порки излечиваем от несчастной любви”».

– Максим, успокойтесь! Я верю, что не в ваших привычках оглушать дам подобным способом.

– Точно не в моих! Клянусь! Я вас приложил из лучших побуждений.

– Вы не могли бы дать мне денег в долг? Простите, что обращаюсь, вы и так много для меня сделали...

– Даже слишком, – хмыкнул Максим.

– Я выскочила из дома без сумочки, без телефона, без денег, только проездной на метро был в кармане. Завтра я долг отдам. И отвезите меня, пожалуйста, в какую-нибудь гостиницу.

– Чтобы поселиться в гостинице, требуется паспорт.

– Правда? – расстроилась Дина. – Но ведь есть гостиницы, где формальности не соблюдают.

– Наверное, есть, я их адресов не знаю, а вам определенно там не место.

– Дома свиданий? – догадалась Дина и брезгливо сморщилась.

Она держала брелок на лбу, на шишке, а ключи свешивались Дине на нос. Дина выглядела потешно – настолько, насколько может потешно выглядеть женщина, которая держится изо всех сил и которой только что нанесли легкие телесные повреждения. Максим порывлся в ящичке под широким подлокотником между сиденьями, достал маленький фонарик в металлическом корпусе, протянул его Дине:

– Меняем компресс.

Дина отдала ему ключи, приложила фонарик ко лбу и пошутила:

– Фонарь на фонаре.

Максим завел машину и тронулся с места. Он все еще злился на себя, не мог понять, как угораздило его выказать себя кретином. Он очень испугался за Дину. Окажись на ее месте любой другой человек с признаками умирания, Максим тоже бы струхнул. Но не до потери разума – только идиот мог забыть про панель и ударить женщину.

Несчастливая Дина была самой собой – в горе женщины забывают что-то из себя изображать, нести образ. Дина-сама-собой была очень обаятельной, несмотря на полукома-тозное состояние. Кроме того, она не ныла и не плакала, чего Максим очень опасался и за что проникся уважением к Дине.

«Подведем итоги. Во-первых, когда я сытый, я очень добрый, но кретин, – мысленно перечислял Максим. – Вывод: не ходи на важные переговоры сытым. Во-вторых, Дина по-настоящему обаятельная женщина, и я ее уважаю. Вывод: я уважаю женщину, потому что она обаятельная». Максим крикнул, чтобы подавить смешок, и подумал, что молчание затянулось, как бы Дина опять не отключилась.

– Как вы? – спросил он.

– Хорошо.

– Давайте вести светскую беседу, – предложил он. – Что вы предпочитаете: истории, анекдоты, загадки?

– Мне все равно, пусть будут загадки.

– Отлично. Загадывайте.

– Я?

– Конечно, вы. Я веду машину, а вы меня светски развлекаете загадками.

– Хорошо.

За последний час Дина раз десять сказала «хорошо». В подчинении чужой воле она по-прежнему чувствовала спасение.

– Что нужно делать, когда вы видите зеленого человечка? – спросила Дина.

– Его надо схватить, связать, если станет брыкаться. И срочно вбрасывать информацию в социальные сети: я поймал инопланетянина на углу Садовой и проспекта Мира. Правильно?

– Когда вы видите зеленого человечка, нужно переходить улицу.

– Один ноль, – признал поражение Максим. – Дальше.

– Может ли страус назвать себя птицей?

– Запросто. Если твои предки летали, то ты птица, хотя никогда не увидишь неба.

– Страус не может назвать себя птицей, потому что он не умеет разговаривать.

– Дина, откуда у вас такие дьявольские загадки?

– Мы с сыном их любим.

– Последняя попытка?

– Хорошо. Что легко поднять с земли, а кинуть далеко трудно?

– Пятитысячную купюру. Поднять легко – понятно. А кинуть далеко – извините!

– Интересный ответ. Пожалуй, его можно засчитать.

– А правильный какой?

– Пушинка.

– Мы на месте, – сказал Максим, въезжая во двор.

– Где на месте? – взгляделась в темноту за окном Дина.

– У моего дома.

– Максим, это неудобно, спасибо, конечно, но я...

– А вы перестаньте жеманничать. Ехать вам некуда и не кому. Не оставлять же мне вас на вокзале в самом деле. Вот если бы я подбил вам глаз, тогда другое дело, а с маленькой шишкой на лбу вам ничего на вокзале не светит.

Максим говорил и парковал машину, оглянувшись назад, подавал задним ходом, стараясь вписаться между другим автомобилем и деревом. Из-за того, что был занят сложным маневром, речь его звучала нейтрально, без нажима. Так говорят, когда хотят донести обыденную информацию, а не уговаривают, убеждают.

– Кроме того, – продолжал Максим, – не рассчитывайте, что я вам уступлю свою кровать. Вы будете спать на диване, он не раскладывается, сломался.

Про диван Максим соврал, но надеялся, что подтекст Дине понятен: приставать к ней Максим не собирается, ее женской чести ничто не угрожает.

Дина подтекст расшифровала и в очередной раз согласи-

лась:

– Хорошо.

Нерассуждающая покорность чужой воле – свидетельство рабской натуры. Когда на нас обрушивается горе, мы все становимся его рабами.

Максим жил в старом панельном доме постройки семидесятых годов прошлого века. Но в квартире был сделан современный ремонт. Прихожую от гостиной, объединенной с кухней, отгораживал книжный стеллаж. Внутри квартиры всего одна дверь – в спальню. Зона кухни располагалась в нише, обеденный стол отсутствовал. Это была квартира холостяка, успешного небедного одинокого мужчины, который принципиально не планировал обзаводиться семьей, да и ночующих гостей не жаловал. Поэтому дверь в спальню была стеклянной, а в ванную и в туалет можно было попасть только из спальни. Зато холостяк любил поваляться на диване перед телевизором. Громадный диван-царь занимал центральное место в комнате и наводил мысли о неге, уютном горизонтальном положении тела – словом, диван манил, обещал и гарантировал. Кресел по бокам дивана, которые обычны в меблировке гостиной, у Максима не было. На низком столике перед диваном валялись журналы и газеты, стояли чашки с присохшими остатками кофе. Поперек спинки дивана висело несколько галстуков и пара несвежих сорочек. На диване клубился мягкий плед, подтверждая мысль о том, что

хозяин любит здесь расслабиться.

Максим показал Дине, где находятся удобства. Удобства были совмещенными – большая душевая кабина, раковина, утопленная в стильную тумбу, зеркало с полочками, унитаз, рядом с которым стояла газетница, набитая журналами. Дина мыла руки, смотрела на себя в зеркало. Лицо осталось прежним, а жизнь перевернулась.

Дина не часто сталкивалась по работе с Максимом. В прошлом году начальница болела, Дина ее замещала, несколько недель пришлось тесно общаться с Максимом. Он произвел на Дину впечатление крепкого профессионала, делового современного менеджера, но человека не теплого, сухого и отчасти сноба. Полная противоположность руководителю компании Игорю Леонидовичу, в сердечности и мягкости которого не было слабости и благодушия. Они, Игорь и Максим, составляли отличный руководящий тандем.

По наблюдениям Дины, все мужчины, абсолютно все, смотрят на молоденьких женщин-коллег по работе двояко, будто меняют контактные линзы. Первые линзы – деловые, появляются в обстановке обсуждения производственных проблем, принятия решений. Взгляд не расслабленный, а сосредоточенный, и половая как и прочая принадлежность собеседника в такой ситуации значения не имеет. Женщина, мужчина, негр, эскимос, марсианин – не важно, главное принятие верного решения. Но рабочий день не на сто про-

центов состоит из важных деловых моментов, и бессознательно, хотят того или нет, мужчины в расслабленном состоянии цепляют другие линзы – с радужной хитринкой. И взгляд становится неформальным, комплиментарно ласковым. Именно так большинство мужчин смотрели на Дину. Но не Максим. У него второй набор линз был с дефектом. Не только на Дину, но и на остальных женщин он взирал как пресыщенный набоб, который признает, что без мадамочек никуда не деться, но зависимость от них чисто физиологическая, и вообще они, женщины, стоят ниже на лестнице эволюционного развития. Станным образом его почти-презрение действовало провокационно возбуждающе на сослуживиц, он был желанным объектом для интрижки, хотя никто не мог похвастаться победой над этим задавакой. Дина считала противоестественным, что здоровый крепкий мужчина, умный и внешне привлекательный, не женат, не воспитывает детей. Противоестественность говорит о душевной ущербности.

Но сейчас рассуждать о недостатках Максима, который спас ее, вытащил из-под гробовой доски, было по меньшей мере неблагоприятно.

Пока она отсутствовала, Максим навел порядок – сгреб все с дивана и со столика, бросил за гардины. Вернувшись Дина обнаружила на столике бутылку коньяка, рюмки, сыр на дощечке с ножом. Максим чистил апельсины и расклады-

вал дольки на тарелке.

– Другой закуски нет, – извинился он.

– Опять пить? – испугалась Дина.

– Не опять, а снова. Вам положено пить с горя, а у меня вообще ни в одном глазу. Присаживайтесь.

Дина села в угол. Диван оправдал ожидания – принял тепло нежно и мягко. Дине хотелось забраться на него с ногами, устроиться поудобнее, но Дина постеснялась принять неприужденную позу.

– Выпьем за здоровье добрых людей! – пододвинул ей рюмку Максим и жестом показал: поднимайте, чокайтесь со мной.

– Хорошо, – подчинилась Дина, чокнулась и пригубила коньяк.

Максим выпил одним махом, взял кусочек сыра, протянул Дине, но не отдал:

– Добрые люди обидятся. До дна! Вот правильно, молодец! Закусывайте. Отличный коньяк, верно? – Он снова наполнил рюмки.

– Вы меня спаиваете? – спросила Дина.

– Спаиваю, – подтвердил Максим. – Но без корыстных целей и для вашей же пользы. Тост номер два: «Чтоб они сдохли!»

– Кто?

– Плохие люди. До дна! А то некоторые не допивают, и плохих людей развелось – хоть соли их.

– Хорошо.

Дина выпила и получила дольку апельсина.

– Я не могу пить в таком ритме, – жалобно проговорила она.

– Пробовали?

– Нет.

– Если не пробовали, то и не зарекайтесь. – Максим говорил задумчиво, точно мысленно решал какую-то задачу.

Он действительно решал.

Максим никогда и никому не рассказывал о причинах своего развода с женой. Слишком уж отвратительны и унизительны были эти причин. Кроме того, не в его правилах было распространяться о собственной личной жизни, да и чужая его мало интересовала. Но Дина, стойкий оловянный солдатик, заслуживала того, чтобы понять: не одна она хлебнула из горькой чаши. Дина, конечно, это и так знала – общетеоретически.

– У меня была жена, – начал Максим почему-то запевным тоном, как былину принялся рассказывать. Поймал себя на этом и усмехнулся. – У попа была собака, он ее убил. Я жену не убивал, хотя чертовски хотелось. Она любила отдыхать в Тунисе, дважды в год туда ездила. А я любил жену и был верен ей, как большевик Ленину-Сталину. Решил сделать сюрприз – приехал в Тунис без предупреждения. Сюрприз удался. Она ездила туда... как бы культурно выразиться? За сексуальными утехами. У них служба поставлена: русские бабы

и горячие тунисские альфонсы.

Признание далось Максиму нелегко, он точно выдавил из себя слова, а потом встряхнулся, отгоняя воспоминания:

– Вот такие пироги с котятами, их ешь, они мяукают. Добро пожаловать в клуб, Дина!

Максим наполнил рюмки, и они выпили, Дина, потрясенная, не капризничала. И Максим уже не казался ей снобом, пресыщенным набобом. Человек, переживший болезненную драму. Выходя из стен этого дома, он надевает защитную маску.

– А дети? – спросила она. – У вас есть дети?

– Дочь Ксения девяти лет. Я хотел ее забрать. Но бывшая (он так и сказал с издевкой – «бывшая», а не «бывшая») при-тащила Ксюху в суд. Девочка должна быть с мамой и тра-та-та в этом духе. Я не мог сказать: «Девочку не должна воспитывать мать-шлюха!» Я ничего не мог сказать. Но, к счастью, все устроилось. Дина! Рано или поздно все устраивается. Ксюха бóльшую часть времени проводит у моей мамы, я приезжаю к ним. Бывшая твердо усвоила: если при дочери начнут мелькать в доме мужики, то денег она не получит ни копейки. Выпьем?

– Хорошо, только...

– Разрешается не до дна, что я, зверь, что ли? Теперь ваша очередь исповедоваться. Вам ведь хочется выплеснуть?

– Наверное. Только у меня язык не поворачивается...

– Для неповорачивающихся языков есть наводящие во-

просы. Как вы познакомились со своим мужем?

– Я с ним не знакомилась, он был всегда, с пеленок. Наши родители дружили, и сейчас его родители дружат с моей мамой, папа умер три года назад. Наши отцы дипломаты, вместе работали сначала в Париже, потом в Брюсселе. Все выходные вместе, все отпуска вместе. Я так часто слышала, как Сережа опекал меня в детстве, что кажется, будто помню сама. Пятилетним он возил колясочку со мной, новорожденной, в семь лет заявлял, что я самая красивая девочка на свете, и так далее. Он никогда не называл меня Диной, только Диночкой, и не стыдился перед другими мальчишками за свое сюсюканье. Сергей был мне как брат, но я никогда не была ему как сестра. Я была его девочкой, потом девушкой. Он встречал меня из школы, записался в секцию тяжелой атлетики, потому что занятия в ней совпадали с моими в секции художественной гимнастики, он пиликал на скрипке, потому что я училась играть на фортепиано, он терпеть не мог рисование, но ходил в художественную школу, потому что мне захотелось брать уроки живописи.

Рассказывая, Дина забралась с ногами на диван, согнув их в коленках. Максим укрыл ее пледом и сам устроился в другом углу, положив ноги на журнальный столик.

– В институте, – продолжала Дина, – появились молодые люди, которые проявляли ко мне интерес, да и я к ним. Начались жуткие обиды, Сергей буквально клокотал, лез в драку, устраивал мне сцены, обвинял в предательстве. Его гнев

и ярость я могла бы вынести, ведь в юности острые реакции близких людей не больно-то нас трогают. Подумаешь, мама ругается. Подумаешь, Сергей беснуется. Но я не могла вынести его отчаяния, потерянности, щенячьего взгляда – его страданий. Когда страдают наши родные, мы готовы на любые жертвы. Сергей был очень родной, и я к нему вернулась, забыв про флирт на стороне. Сергей очень хороший, – почему-то убеждала Дина Максима. – Умный, сильный, надежный, верный... – Дина смешалась и горько рассмеялась: – Очень верный, как выяснилось. Давай выпьем?

– Давай, – согласился Максим. – За то, что перешли на «ты» без брудершафтов и поцелуев.

«Я бы не отказался», – добавил он мысленно.

– Хорошо, – привычно согласилась Дина. – А пьянствовать не так уж и противно. Почему я раньше редко заглядывала в рюмку?

– У тебя еще все впереди. Продолжай рассказывать.

– Тебе правда не надоело?

– Весь внимание.

Максим не любил чужих исповедей – этот повторяющийся жанр, одни и те же сюжеты, только с разными героями. Если случалось попасть под поток чужих личных откровений, он изображал внимание, но думал о своем. Спроси его потом, про что говорили Петя или Таня, он не смог бы ответить. Но Дину он слушал внимательно: ему нравился звук ее голоса, нравилось, что она не плачется, не прокликает судь-

бу, не казнит бессовестного супруга, а пытается разобраться в своей жизни, глядя на нее как бы со стороны.

– Я люблю своего мужа, то есть любила, вернее – я его полюбила по-настоящему после свадьбы. Что-то стало расти во мне – что-то хорошее, приятное, чувственное. И вообще мне нравилось замужем, я домашняя женщина. Мне нравилось подбирать мебель в квартиру, и шторы, и светильники, и сантехнику в ванную, и продумывать декорирование стен – мне нравится вить гнездо. А уж когда родился Сережа-маленький, я была на седьмом небе, а Сережа-большой на двадцать седьмом. Однако в глубине души... Спяну легко тащить секреты из глубины души, – усмехнулась Дина. – Подсознательно я, наверное, всегда считала, что, уступив Сергею, я его облагодетельствовала. Я большой подарок для него. Когда с подарком обращаются нежно и бережно – это нормально и естественно. Поэтому, когда случилось... когда случилось то, что случилось сегодня, во мне, вероятно, не просто гордость обманутой женщины пострадала, а еще и оскорбленное возмущение благодетеля. Знаешь ведь, как это бывает, вроде бы человек и не ведет счет своим добрым поступкам, а потом, если облагодетельствованный повел себя нехорошо, человек возмущается: я ему столько сделал, а он мне...

– Навалил дерьма в шляпу. Пардон! – спохватился Максим. Он неожиданно забыл, что имеет дело не с приятелем, а с дамой.

– Грубо, но точно.

Максим плеснул в рюмки, и Дина без приглашения выпила. Коньяк проваливался в бездонную бочку, казалось, уже не хмелил, но действовал как обезболивающее. Страдающий человек не может оторваться от анальгетика.

– Я не психоаналитик, – пожал плечами Максим, – это они копаются в мотивах, реакциях. С моей точки зрения, важны факты. Была измена – факт. А плохо тебе, потому что мужа любишь или потому что подарком небес себя считаешь, значения не имеет. Какая разница: подстрелили тебя или зарезали, ведь все равно погибаешь.

– Да, погибаю.

– Я имел в виду – фигурально погибаешь.

– У меня такое чувство, как будто застыла перед пропастью. То есть уже качнулась, падаю. Какая-то секунда, доля секунды, когда ты еще на земле и уже летишь вниз. Секунда длиною во многие часы. В этот момент человек переживает дикий ужас. Миллион мыслей, воспоминаний – и ни одной мысли, пустота, только ужас. У тебя так же было?

– Наверное, не помню. Я был раздавлен и страшно взбешен. Так вот одновременно – раздавлен и взбешен. И еще, конечно, дико оскорблен по-мужски, даже перепуган. Что ты за мужик, если твоя жена ездит к продажным альфонсам? Дальнейшая жизнь показала, что по этой части у меня все в порядке. Я постарался вычеркнуть из памяти, забыть свое супружество. Не было его, и точка.

– Скажи мне, Максим... Если не хочешь, не отвечай...

– Если не захочу, не отвечу. Что?

– В популярной литературе весьма известна теория гиперсексуальности мужчин. Мол, они ничего не могут с собой поделать, когда видят смазливое личико, стройные ножки, кругленькие попки. Происходит выброс гомонов, и мужчина собой не владеет. Он не виноват, это зов природы, не порицайте его, заложника инстинктов.

«Какой вариант ответа, – задумался Максим, – ей подойдет?»

– Ты мне лучше не отвечай, только не ври, – попросила Дина.

– Мы с тобой уже столько приняли на грудь, что находимся в состоянии «ты меня уважаешь», и врат в этом состоянии запахло. У нормального мужика с инстинктами все в порядке, и личики-ножки-попки, конечно, вызывают, то есть возбуждают. Но ведь кроме гормонов есть еще белое и серое вещество в мозгах, есть, бывают, – поправился Максим, – высокие чувства, порядочность, наконец... Что-то я не то несу, не могу подобрать слов.

«Я переспал со столькими замужними бабами, доказывая себе свой мачизм, – подумал Максим, – что по большому счету не имею права иметь право высказываться на данную тему. Чего имею – не имею? Кажется, я захмелел».

– Понимаю тебя, – кивнула Дина.

Что она поняла, было неясно. Максим попробовал не то

что забросить удочку, а показать наличие снастей.

– Вот ты, Дина, очень симпатичная девушка. Ты мне нравишься, всегда нравилась. Обстановка располагает, – он внимательно смотрел на Дину: клюнет? Не клюнула. – Но я не собираюсь к тебе приставать, потому что я тебя...

– Уважаешь? – подсказала Дина.

– Точно. Минутку! Тогда получается, что всех остальных я не уважал?

– Выходит, чтобы не изменять жене, надо ее уважать, а женщину, с которой вступают во внебрачную связь, не уважают?

– Да, то есть нет. Пошел какой-то пьяный треп.

– А я еще не рассказала про Настю.

– Кто у нас Настя? – спросил Максим и разлил остатки коньяка.

Дина отпила, посмотрела на рюмку:

– Странно, идет точно вода. Настя – моя лучшая подруга, которую я застала с моим мужем, его застала, их застала... У меня стало плохо с русским языком.

– Нормально, говори.

– Родители не одобряли нашу дружбу, но я Настю обожала. Мы с ней сошлись в последних классах школы, когда наша семья вернулась из командировки. Сергей всегда ревновал меня к Насте и упрекал за то, что я себя ставлю как бы ниже Насти. Ее мнение решающее, куда Настя покажет, туда я и бегу, что Настя скажет, то я и делаю. Но мне это было

приятно. Понимаешь, я такая блеклая, аморфная, простая, вялая. Не спорь! – остановила Дина жестом Максима. – А Настя – бурная, яркая, из нее фонтаном бьет жизненная сила, эмоции. Кроме того, мы относимся к разным социальным уровням. Мои родители – состоятельные люди, высококультурные и образованные, Настина мама – продавщица, а папа – слесарь в ЖЭКе. Возможно, во мне всегда сидело интеллигентское неудобство и заискивание перед человеком, которому выпал скудный жизненный шанс. О, прости, Максим, ты не любишь психоаналитических копаний. Но как бы то ни было, я всегда завидовала Насте и подчинялась ей. Сергею подчинялась, Насте подчинялась... Девушка с комплексом прислуги. Понимаешь, у меня было пять, десять джинсов, а Настя покупала поддельные китайские и так их расхваливала, кружилась в них, что мои фирменные джинсы казались тряпками. Я всегда радовалась, когда мои вещи перетекали к Насте. Но у нас разные размеры, Настя крупнее. Я специально покупала одежду, в которой утопала, чтобы она досталась Насте. Добренькой получаюсь, правда? Неправда! Мне самой это нравилось. Сергей говорил, что Настя меня использует. Но мне нравилось, что она меня использует! Моя жизнь катила как по рельсам: счастливое детство, институт, удачное замужество. А у Насти – ухабы, перепады, страсти. Я жила ее страстями. Она дважды выходила замуж по бешеной любви и разводилась с кошмарными скандалами. Меня устроили на работу в теплое местечко, где я благополучно

продвигалась по карьерной лестнице.

– Дина, ты прекрасный работник.

– Спасибо! Настя сменила десять мест, если не больше. Ей страшно не везет на производственные коллективы. То попадают сквалыжные бабы-сослуживицы, то тупые начальники. Настя хочет как лучше, но ее выдавливают на улицу. И все это, ее производственные конфликты, мы переживали вместе. Она не помнит, как звали ее руководителя в закупочной фирме, а я помню, потому что остро сострадала подруге. Честно говоря... Я тебе сказала, что по образованию Настя логопед, но она не совсем дипломированный логопед. Моя свекровь устроила Настю на какие-то скоротечные курсы, но это занятие не подошло Насте. Ей не хватало терпения возиться ни с шепелявыми детишками, ни с несчастными людьми, потерявшими связную речь после инсультов.

– Хорошенького работника ты мне хотела подсунуть! – насмешливо возмутился Максим.

– Я ркувову... О, господи! Руквово... Я ру-ко-во-ство-во-во-ся-ва-ла...

У Дины стал язык заплетаться враз, точно выключили рубильник. Только что был правильный слог, а теперь она не может выговорить ни слова.

– Кофе? – предложил Максим.

– Угу! – кивнула Дина с извиняющейся улыбкой. – Я немжж слишк... Ой! – икнула она.

Максим варил кофе и думал, что Дина всегда выглядела

как тепличная женщина. Прежде он никогда не задумывался, как она выглядит, женщины-нет по большому счету его не интересовали. В Дине не просто чувствовалась порода, а порода, отшлифованная хорошим воспитанием и образованием, прекрасными условиями жизни. Если взять двух девушек – одну дворянку голубых кровей, а другую крестьянку – нарядить одинаково, и хотя они рта не будут открывать, вы безошибочно поймете – кто аристократка, воспитанная гувернантками и привыкшая спать на перинах, а кто – от земли, от соломы. Десятки маленьких сигналов: мимика, манера держаться, взгляд, исполненный спокойного достоинства или настороженно затравленный, цвет кожи, наконец, – все это непросто подделать и трудно натренировать.

Когда Максим вернулся с чашкой кофе, Дина спала, свернувшись калачиком в углу дивана.

Утром голова у Дины не болела, но была не своей, туманной. Проснувшись Дина от наждачной сухости во рту и в глотке. Первое, что увидела, было оранжевое и с буквами. Поморгав, Дина определила: оранжевое – это стакан с апельсиновым соком, буквы – на записке, прислоненной к стакану. «Кота зовут Майкл», – прочитала Дина. Она жадно пила сок и недоумевала: что такое «кота»? Дина оглянулась по сторонам, тихо застонала, вспомнив вчерашние события. «Кота» – это кот, у Максима есть кот. Был ли вчера кот? Дина не помнила. Она вообще смутно все помнила. Сергей и

Настя – ежик в сердце зашевелился, но не кололся сильно. Хотелось еще пить и в туалет. Когда у человека жажда и настоятельный позыв сходить по-маленькому, душевные терзания отступают. Дина зашлепала босиком в кухонный закуток, нашла чайник с еще теплой водой, припала к носику. Так в кино пьют алкоголики. Наплевать. Максим Буданов – откуда он взялся? Откуда-то взялся. Они, кажется, ужинали в ресторане, а потом приехали к нему домой. Это его квартира – точно! Была какая-то мысль... Вот: квартира принципиально закоренелого холостяка. Туалет Дина нашла легко, значит, уже тут бывала.

Сидя на унитазе, рассматривая пальцы на ногах, она отметила: удачный лак для ногтей. Стоп! Именно эти слова она несколько дней назад сказала педикюрше. Но почему она видит свои пальцы? Потому что ноги голые, чулки отсутствуют. А также юбка, блузка, жакет. На ней чужая, явно мужская белая майка. Бюстгальтер и трусики на месте.

Дину пошатывало, то ли она еще не протрезвела, то ли это и есть знаменитое состояние похмелья.

«Мне изменил муж, – рассуждала Дина. – И я провела ночь в квартире другого мужчины. У нас что-то было? Не помню. Я бы обязательно помнила, если бы было! Что же я, совсем была... Кажется, совсем. А, и черт с ним, то есть со мной! Хотя обидно – предаться греху и не помнить».

Она забралась под душ и долго стояла под струями воды, одной рукой держась за стойку душа, чтобы не свалиться, а

другой меня температуру воды с кипятка на ледяную.

«Исходя из мебелировки квартиры, Максим не мог меня, отключившуюся, просто раздеть и укрыть. Я спала на простынях, на подушке с наволочкой, на разложенном диване. Но откуда-то я знаю, что диван не должен раскладываться, он сломан. Меня нужно было поднять, куда-то отнести, а отнести можно было только на кровать в спальне, стульев и кресел здесь нет, постелить мне постель, переодеть и вернуть на место. Такие сложные маневры. А какая мне разница? – прислушалась к себе Дина и сама себе ответила: – Никакой разницы. Волнует это меня? Нисколько. Подумаешь, мужик таскал меня пьяную по квартире».

Дина провела рукой по голове, на лбу у линии роста волос нащупала болезненную шишку. И все вспомнила: ресторан, загадки в машине, ее страх отправиться домой, к Сергею; паркуя машину у своего дома, Максим сказал, что диван сломан, потом они пили коньяк, Максим рассказал про свой развод, она тоже откровенничала. Хорошо посидели. И алкогольная амнезия отменяется. Точнее, она распространяется на период от последних капель коньяка до утреннего пробуждения.

«Было или не было? Если было – это хорошо или плохо? А если не было? Хорошо или плохо? Значения не имеет, все равно ничего не помню».

Дина вымыла голову «шампунем для мужчин на каждый день», нашла в шкафчике чистые полотенца, закрутила тюр-

бан на голове, другое полотенце обернула вокруг тела. Намазала лицо гелем после бритья. Женской парфюмерии у Максима не было, фен тоже не нашла.

Уже лучше. После пробуждения голова кружилась со скоростью десять оборотов в секунду, а теперь только два оборота. Снова хотелось пить. И надо поесть. Горячего и острого, как прописал классик и доктор по образованию Булгаков. И еще кота покормить.

– Кис-кис! – звала Дина. – Майкл, котик, пойдем кушать!

Она сварила кофе и пожарила яичницу. Станным образом не смущалась тому, что хозяйничает в чужом доме. Дину гораздо больше волновало, что кот Майкл не показывался. Дина ходила по квартире с тарелкой и вилкой в руках, ела на ходу и звала кота. Потом она ходила с чашкой кофе и снова кликала Майкла. Кот не хотел выходить. Покончив с завтраком и уже разволновавшись не на шутку, Дина легла на пол в спальне и принялась шарить под кроватью. В темноте было не разглядеть, спрятался ли кот в дальнем углу, куда не доставала рука, но никаких звуков Дина не слышала и блеска кошачьих глаз не видела.

Она поднялась и присела на корточки:

– Майкл, кис-кис, выходи, пожалуйста! Тетя не кусается, тетя добрая. Я понимаю, у тебя стресс: пришла незнакомая женщина, пьянствовала тут, ночевала, завтракала. Но Майкл! Я тебе клянусь, что не останусь тут жить. Во всяком случае, на следующую ночь точно не останусь. Майкл, выходи,

кис-кис.

Ответом ей было молчание. Взгляд уткнулся в маленький циферблат на телефонном аппарате. Одиннадцать двадцать. Надо позвонить маме. Сергей, разыскивая сбежавшую жену, мог испугать маму.

Дина сняла трубку, набрала номер маминого сотового:

– Мамочка, привет! Как ваши дела?

– Отлично. Что у тебя с голосом?

– Немножко осипла, ерунда.

– У вас все в порядке? Уже дважды звонил Сергей, говорит, что не может с тобой связаться.

– Я не на работе. Отпросилась. Я в косметическом салоне, телефон разрядился. Включи, пожалуйста, громкую связь, хочу поговорить с сынулей. Здравствуй, солнышко!

– Привет, мама! Я уже собрал из «Лего» полицейский участок!

– Молодец! Ты у меня настоящий инженер-конструктор. Давай ты сконструируешь для себя и для меня пропеллеры с моторчиками, как у Карлсона? Мы их повесим на спину и будем летать под потолком. Или вообще куда-нибудь улетим далеко.

– Давай! – обрадовался. – А папа тоже полетит?

– Не уверена. Кто-то должен оставаться на земле. Но знаешь, чего нельзя делать, когда летаешь над людьми?

– Чего?

– Нельзя бросать мусор, нельзя плевать и нельзя писать

с потолка.

Сережа-маленький ахнул и весело засмеялся.

– Дина! – возмутилась мама. – Что ты такое говоришь!

– Пardon! Просто я никак не могу найти кота.

– Что найти?

– Кота... такая шляпка модная.

– А мне пойдет?

– Посмотрим. Все! Бегу на массаж. Целую вас, мои родные! – Дина положила трубку. – Массаж мозгов – это то, что мне сейчас очень бы не мешало. Майкл! Имей совесть! Кис-кис-кис!

С утра у Максима были переговоры. В финансовый отдел он заглянул после десяти.

– Дина не звонила? Нет? Она просила передать, что ее сегодня не будет.

Ответом почему-то было недоброе молчание трех женщин. Они смотрели на него с нескрываемым осуждением: «Вот ты какой, оказывается!» Максим вышел за дверь и пожал плечами, ему было недосуг разбираться с настроением сотрудниц, его волновал предстоящий тендер на поставку томографов. Максим прошел в кабинет главы фирмы Игоря, мимоходом отметив, что секретарша в приемной тоже повела себя странно: поздоровалась холодно, сквозь зубы.

Со своим руководителем Максим был в полуприяательских отношениях. Они не дружили семьями, не оказывали

друг другу личных услуг, но как-то само собой подразумевалось, что в случае необходимости один другому всегда придет на помощь. Игорь был на семь лет старше Максима, наедине они были на «ты», при подчиненных – на «вы». В интеллигентном и мягком Игоре с первого взгляда нельзя было заподозрить хорошего руководителя с железной управляющей рукой. Игорь излучал добро и человеколюбие, какая уж тут железная рука. Тем не менее он был не просто хорошим организатором, а прекрасным: селекционно отбирая сотрудников, создал слаженный работоспособный коллектив, в котором его обожали без лести и чинопочитания. Подвести Игоря, не выполнить его приказ, который всегда отдавался в форме просьбы, было как расписаться в подлости, сделанной хорошему человеку. Это был высший пилотаж управленца, и Максим считал своей жизненной удачей работать под началом умного и деликатного Игоря.

Они закончили обсуждать подготовку к тендеру, Игорь замялся, принялся перекладывать бумаги на столе:

– И еще такое дело, Макс... Ты, конечно, человек свободный, но нехорошо, когда в офисе все болтают про твои амурные дела. Сплетни и все такое. Дина-то замужем...

Максим постарался скрыть удивление: как могли узнать, что Дина у него ночевала? Не натканы же у него в квартире камеры наблюдения.

– Можно поконкретней? – попросил он. – Что ты имеешь в виду?

– Нет, ну когда у вас было шито-крыто, никто не догадывался, хотя служебные романы – это...

– Недопустимо. С чего ты взял, что у нас роман?

Игорь пальцами выкручивал уши, точно они у него саднили, он зримо страдал от необходимости вести этот разговор.

– Весь офис знает, что она сегодня делает от тебя аборт, – на одном дыхании выпалил Игорь.

– Что-о-о? – Максим нервно захохотал.

– Неправда? – с надеждой спросил Игорь.

– Бред! Чумовой бред!

Максим принципиально не заводил интрижек на работе. Удовольствие не стоило того, чтобы попасть в зависимость от подчиненной. Как одинокий мужчина он вызывал интерес у незамужних женщин и у многих замужних тоже. Но женщины ведь не имеют обыкновения брать избранника приступом – не бросаются на шею, не зажимают тебя в углу. А многообещающие взгляды, кокетство, заигрывание никому не портили жизни. Достаточно было изобразить: «Спасибо, польщен! Ты тоже прекрасна, но – увы!» Почему «увы», каждая додумывала самостоятельно. Фантазии женщинам не занимать, особенно если нужно объяснить, что мешает возможному роману.

В другой ситуации Максим посмеялся бы над сплетнями и только. То, чего не было, не могло пугать, настораживать или портить настроение. Но ведь есть Дина, которую он призовет к себе домой, которую теперь заподозрили черт зна-

ет в чем. Еще один удар в добавление к измене мужа – это слишком.

«Почему меня волнует Дина? – спрашивал себя Максим. И отвечал: – Почему-то волнует».

– Кто принес тебе этот бредовый слух? – спросил Максим.

– Лена, секретарша.

– Вызови ее.

Строго говоря, расспрашивать и распекать Лену должен был начальник, но Максиму было не до субординаций, и он устроил Лене допрос с пристрастием. Лене рассказала Маша из финансового отдела. Маше – Оля из бухгалтерии, Оле – менеджер Вероника. Все они по очереди побывали в кабинете Игоря и получили от Максима нагоняй. Он старался не упоминать имени Дины, как бы подчеркивая, что она ему безразлична, а нажимал на то, что пострадало его доброе имя, его оскорбили, унизили, смешали с грязью. Игорь по-малкивал, предоставив Максиму роль плохого следователя. Оправдываясь, сотрудницы апеллировали к Игорю, смотрели на него жалобно, но Максим не давал Игорю открыть рта, и начальник довольствовался сочувственными взглядами. В последнем действии спектакля на сцене появились зачинщики – охранник и администратор Катерина. Пунцовая Катерина тыкала в охранника: это он сказал. Трясущийся охранник мямлил про то, что вчера поздно вечером Дина и Максим уходили вдвоем, и она была очень расстроена, а он ее как бы утешал.

– Это все? – гаркнул Максим. – Из этого ты сделал вывод об аборте?

– Так ведь это... оно самое... – полуобморочно бормотал охранник.

Максим жалости не ведал, но ему надоело распекать несчастных любительниц сплетен. Поэтому Максим отвел душу на охраннике, охарактеризовав его мыслительные способности и человеческие качества не последними бранными, но предпоследними культурными словами.

– Не знаю, что ты будешь делать с этим козлом, – Максим повернулся к Игорю. – Завтра он увидит тебя с дочерьми и пустит слух, что ты содержишь гарем малолеток.

Максим вышел, громко хлопнув дверью. Он редко терял спокойствие, никогда не кричал на подчиненных, да это и не принято было в их фирме. Сейчас его гнев был большей частью напускной, театральный. Но сотрудники испугались нешуточно. Максим шел по коридору, а они, как тараканы, шмыгали в кабинеты, чтобы не попасться ему на глаза.

Сдерживая улыбку, Максим вошел в свой кабинет и набрал номер домашнего телефона.

Дина, в полотенце и с тюрбаном на голове, сидела на полу у кровати и на все лады уговаривала кота показаться. Зазвонил телефон, после семи гудков включился автоответчик.

– Девушка, возьмите трубку! – раздался голос Максима. Он опасался называть Дину по имени. Не ровен час кто-

нибудь подслушивает под дверью.

– Алло! – ответила Дина.

– Как самочувствие?

– Хорошо, то есть ужасно! Максим, я не могу найти Майкла!

– Майкла?

– Твоего кота. А вдруг он умер от стресса?

– Воняет?

– Чем?

– Дохлым котом.

– Нет... пока.

– Значит, еще жив. Спрятался куда-нибудь. Он у меня стеснительный аутист и отлично прячется в укромных местечках. Ты поищи его, пожалуйста, а я приеду через пару часов.

Дина быстро переоделась и принялась обыскивать квартиру метр за метром.

По дороге домой Максим заехал в ресторан и купил еды. Он позвонил в дверь, чтобы предупредить Дину о своем приходе, а потом открыл ключом. Дина встречала его в прихожей. Обычно тщательно причесанная, сейчас она выглядела, мягко говоря, лохматой. Такое впечатление, что вымыла голову, а причесаться и макияж нанести забыла. Но все равно мила, ей к лицу взволнованность.

Дина суежилась вокруг Максима, вынимавшего из пакетов

судочки с едой и расставлявшего их на журнальном столике, и оправдывалась:

– Обыскала каждый закуток! Теперь я все о тебе знаю: что у тебя домработница маленького роста...

– Как ты определила?

– В ящичке, где хранятся моющие средства, лежат ее миниатюрные тапочки и резиновые перчатки самого маленького размера. Я знаю, какой фирмы белье, сорочки, ботинки ты предпочитаешь, что полотенца и постельное белье тебе безбожно портят в прачечной, что запасные ключи от машины ты прячешь за книжками...

– Ты их нашла? Вот спасибо! Приборы принеси, пожалуйста!

– Хорошо!

Дина направилась в кухонный отсек, достала из ящичка ложки, вилки и ножи, продолжая перечислять результаты обыска. Максим был странно равнодушен к ее стенаниям.

– Салат овощной, суп куриная лапша и котлеты по-киевски с пюре, – показал он на судочки-лоточки. – Нормально?

– Максим! Ты слышишь меня? Твоего кота нигде нет.

– Нет, – кивнул Максим, – и никогда не было.

– Как? – опешила Дина.

– Ты ведь умная женщина, и с дедукцией у тебя все в порядке – в смысле габаритов моей домработницы. Но неужели тебе не пришло в голову, что, кроме наличия самого кота, должны быть признаки его присутствия: мисочки для еды,

корм, лоток для туалета? Ведь ничего этого нет.

– Нет, – механически повторила Дина. – Но зачем ты мне про него написал и потом заставил искать?

– Не заставил, а предложил, – уточнил Максим. – Чтобы занять тебя, отвлечь. В противном случае ты бы сидела тут и горевала о своей несчастной судьбе, а так – делом была занята. Опять-таки ключи мне нашла. Элементарный психологический трюк. Из меня получился неплохой утешитель горюющих женщин, верно? Не дать ли мне объявление: «Уникальная услуга! Если вам изменил муж, обращайтесь!»

– Не забудь указать, что твоя услуга предполагает ощутимый удар по голове.

– Каждый метод требует шлифовки. Извини! Шишка почти незаметна. Дина, еда остывает! Приступай!

Когда они покончили с обедом и пили кофе, Максим в лицах рассказал о случившемся в офисе. Дина не испугалась сплетен. Как и Максима, ее не волновали домыслы на пустом месте. Только на пустом ли? Отдельной строкой Максим выделил реакцию Игоря, который выступил добрым следователем, сочувственно взиравшим на корчи подсудимых.

– Игорь Леонидович удивительный человек, – признала Дина, и Максим вдруг почувствовал ощутимый укол ревности.

– Безусловный лидер, отличный организатор, – продолжала Дина, – хорошо замаскированный пассионарий. Максим, ты меня ночью раздел, – без паузы перешла Дина к волную-

щему ее вопросу.

– Да, раздел. Ну и что? У меня мама в прошлом году ногу сломала, я ее купал. И дочку раздевал-переодевал не один год. Навыки имеются. Терпеть не могу, когда люди спят в одежде. Тем более, если люди – женщины. Если бы ты спала в одежде, то можно было бы подумать, что ты вдрабадан пьяная.

– Такое могло прийти в голову только слепому, глухому и с детства умственно отсталому. Раздел и... и все?

– А что еще надо было? – хитро улыбнулся Максим. – Надо было? – повторил он.

– Не надо. Спасибо! За все спасибо! Честно говоря, я от тебя не ожидала... то есть не подумай, что раньше я к тебе относилась, то есть относилась по-другому... – запуталась Дина.

– Да ладно! – махнул рукой Максим. – Я сам от себя не ожидал. Что случилось, то случилось. Самое страшное уже позади.

– А самое трудное впереди?

– Точно!

Максим посмотрел на часы и спросил:

– Какие у тебя планы?

– Поеду домой.

– Я тебя отвезу.

– Нет, благодарю, лучше на такси. Вызови, пожалуйста!

– Конечно. Дина, – замялся Максим, – я бы на твоём ме-

сте...

– Да? – подбодрила его Дина, ожидая услышать совет, как вести себя с мужем.

– На твоём месте я бы немного причёсался.

Проводив Дину до двери, вернувшись в комнату, Максим недоуменно огляделся. Его жилище, которое он любил за максимальную приватность, его берлога, в которую, кроме мамы и дочери, он никого не допускал, с уходом Дины изменилась – погрустнела, если возможно применить это слово по отношению к квартире. Точно вынесли хрустальную люстру, и стало темнее, пропали радужные огоньки, или украли иконы, и пропала божья благодать.

«Ну да! – мысленно одернул себя Максим. – Люстра! Иконы! Придет же такое в голову».

Он вернулся за столик, достал портативный компьютер, вошел в Интернет и стал смотреть значение слова «пассионарий», которое упомянула Дина, а он не знал точного значения. Вроде «пациента» – от латинского «больной, страдающий, терпящий»? И это об Игоре? Все оказалось с точностью до наоборот. Человек, обладающий большой внутренней энергией, темпераментный, активный, лидер. «Значит, Игорь – замаскированный пассионарий, – ревниво думал Максим. – Такие нравятся Дине? А если без маскировки, то не подходят?»

Дина ехала в такси и никак не могла выработать план поведения, настроиться на разговор с Сергеем. Она совершенно точно знала, чего не хочет: видеть мужа и Настю. Но если подругу можно просто и решительно вычеркнуть из своей жизни, то с мужем и отцом ребенка так не получится. Кризис, трагичный для любой семьи, и тем более для такой идеально благополучной, как ее, – а у Дины мысли витают непонятно где. Там, где им витать сейчас не положено.

Несколько лет назад она сломала руку. Было чудовищно больно. Наложили гипс, и боль, уже не столь кошмарная, а вполне переносимая, держалась несколько дней. С душевными травмами, выходит, так же?

Вчера она умирала. Зависла в последней точке между жизнью и смертью. Накрывало гробовой доской, в сердце поселился ежик, который каждую секунду грозил раздуться и превратить Дину в кровавое месиво. Сейчас гроба нет, а ежик скукожился до размеров булавочной головки.

«Папа однажды сказал, – вспомнила Дина, – что если заходишь в интеллектуальный тупик, то нужно отойти в сторону, посмотреть на проблему издалека и с другой точки, под иным углом. Какая у меня другая точка? Теперь я свободная женщина. Преимущества неясны, но они определенно есть. И я могу думать не о том, о чем надо, а о том, о чем хочется. Впереди меня ждут шекспировские драмы и древнегреческие трагедии – тихий ужас. У меня, возможно, последние спокойные минуты».

Дина удовлетворенно поерзала на сиденье, улыбнулась и принялась обдумывать сюрприз, который преподнесет Максиму Буданову.

Звонок в дверь. Максим открывает. На пороге стоит курьер с корзинкой. В корзинке симпатичный маленький котенок с бантиком на шее и записка: «Меня зовут Майкл».

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Откровенные исповеди и душевные беседы в поезде любят те, кому редко приходится ездить. Для меня лучшие попутчики – непьющие глухонемые.

Лучших попутчиков в поезде «Москва—Новгород» мне не досталось, но и те, что были, вполне устроили. Трое мужчин: смахивающий одновременно на бандита и милиционера парень в кожаной куртке, холеный новорусский клерк и прибалтийский артист, фамилии которого не вспомнить, фашистов в советских фильмах играл. Наше общение ограничилось двумя фразами. Поздоровались при посадке, попрощались, выходя из поезда. Во время бодрствования читали. «Фашист» – детектив, чиновник – бумаги в папках, милиционер-уголовник – «желтую» газетенку с пышнотелой оголенной девицей на первой полосе.

Я купила в вокзальном киоске два любовных романа и с удовольствием углубилась в первый. Успела перехватить снисходительные взгляды попутчиков: что с глупой женщины возьмешь? Я и не претендую на звание умной. До gross-мейстера международного класса не дотянула, с докторской диссертацией копаюсь уже пять лет. Будь я умной, не прозябала бы на кафедре дискретной математики с нищенской зарплатой доцента, а компьютерные программы для коммерческих банков писала.

Не важно, что с ними справится любой третьекурсник с нашего факультета. Зато не пришлось бы носиться по стране и в шахматных клубах играть с любителями за деньги. А женские романы для меня – как легкий сквознячок в зава-ленной рухлядью квартире, то бишь в моей голове.

Я погрузилась в перипетии отношений беременной героини, которая не хотела выходить замуж за любимого мужчину и отца будущего ребенка, так как не была уверена в искренности его чувств. Она подозревала, что уговоры пожениться продиктованы благородством, а не страстной любовью к ней, героине.

Фантастика. В реальной жизни ничего подобного не бывает. По собственному опыту и поведению подруг знаю: в сознании беременной женщины непомерно разрастается участок, отвечающий за самосохранение. Древние инстинкты настойчиво напоминают, что скоро ты станешь беспомощной и слабой. Срочно требуется самец для оборудования логова, охоты на мамонта, кормления тебя и младенца.

Но критиканские мысли пришли, когда я захлопнула книгу. С сожалением – интрига была выстроена мастерски и держала в напряжении до последних страниц. Взясась за второе произведение о трудной судьбе секретарши, излечивающей шефа от ненависти к женскому полу, приобретенной вследствие несчастной юношеской любви. Мимоходом отметила легкое удивление чиновника скоростью моего чтения. Поглощаю строчки я реактивно. В молодости муж любил за-

ключать пари: мне давали газету со статьей на полстраницы, которую я осваивала за пять секунд и пересказывала содержание. Бутылка шампанского не была проиграна ни разу.

* * *

В Новгороде я провела три сеанса игры на десяти досках. Для проигрыша выбрала старичка, который наверняка с трудом наскреб деньги для участия в игре. И легкомысленно зевнула коня на левом фланге местной шахматной звезде, едва свела до ничьей. С ребяташками из шахматного клуба играла бесплатно. Поддавков не люблю, поэтому они все честно проиграли. В качестве компенсации показала им несколько изящных этюдов.

Как всегда, меня спрашивали, почему не продолжила шахматную карьеру. Я привычно отшутилась, хотя ответ очень прост. Однажды в Швейцарии во время женских соревнований уснула за доской, потому что накануне выпила какое-то психотропное средство от волнения. Фотография, на которой я во время матча дрыхну без задних ног (вернее, безобразно их раздвинув), откинувшись на стуле с открытым ртом, обошла все газеты. Разбудить меня не смогли, унесли на носилках. С тех пор в соревнованиях я не участвовала. Ведь если бы я выигрывала, то обязательно вспоминали: это та, что уснула в Цюрихе, а если бы проигрывала, то замечали: хоть и не спала, но зевала.

На вокзале в Новгороде я купила новый дамский роман и, сев в поезд, принялась читать. С попутчиками мне снова повезло – теперь три женщины, и, кажется, неразговорчивые. В купе стояла тишина, на зловещий характер которой я поначалу не обратила внимания.

Я выросла в редакторской филологической семье. Моя бабушка, мама и отец переписывали и правили чужие рукописи, переводили с русского на русский. Они отдали столько сил моему культурному просвещению, что еще в детстве напрочь отбили любовь к серьезной литературе, а попытки определить меня на филологический факультет я пресекла угрозами сочетаться гражданским браком с вернувшимся из тюрьмы соседом. И все-таки семена литературной отравы закопали в меня глубоко.

«Ее муж был мужчиной высокого роста», – прочитала я первую строчку. Слово «мужчина» в этом предложении лишнее. В самом деле, ведь не женщиной он был. Я спотыкалась на корявых предложениях, а когда прочла: «В туннеле по стенам бежали провода, кабели и телефоны», решительно захлопнула книгу. Читать произведение, в котором телефоны бегают по стенам, я не могу.

Поезд тронулся несколько минут назад, пригородные пейзажи угадывались за темным окном по мелькавшим разно-

цветным огонькам.

Сидевшая напротив пожилая женщина напряженно смотрела на свое отражение в окне, исполосованное электрическими росчерками. Ее поза: строго поджатые губы, вздернутый подбородок, неестественно прямая спина – олицетворяла обиду и возмущение. Я мысленно чертыхнулась. Девять из десяти: ее гнев вскорости прорвется в виде неудержимого словопотока. По диагонали от меня, в углу купе, сидела забинтованная в черное – узкие черные джинсы, плотно облегающая черная водолазка – девушка с короткими, едва отросшими после бритья головы волосами. В одном ухе у нее болталась серьга размером с браслет, в другом блестели маленькие сережки, штук пять. Девушка подмигнула мне как старой знакомой и взглядом показала сначала на мою визави, потом на попутчицу, сидевшую рядом. Разглядывать соседку сбоку было неудобно, но я обратила внимание, что она, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу, лихорадочно дергает ступней. Словом, пребывает в состоянии нервного возбуждения.

Я ничего не понимала. Женщины ехали не вместе: пожилая уже сидела в купе, когда я пришла, а две другие появились перед самым отправлением. Вошла проводница и стала собирать деньги за постель. Моя соседка долго ковырялась в кошельке, собирая мелочь.

– Видно, сантехник немного зарабатывает, – процедила загадочную фразу пожилая женщина.

Реакция на ее слова была мгновенной. Моя соседка выхватила из сумки пачку зеленых купюр, перехваченных резинкой, и потрясла ею в воздухе:

– А это видели?

Проводница, девушка в углу и я ошарашенно уставились на деньжищи.

Та, для которой демонстрировалось богатство, презрительно хмыкнула и снова отвернулась к окну.

– Ночью закройте на секретку, – посоветовала проводница и уже в дверях, тяжело вздохнув, добавила: – Живут же люди.

– Проходимцы, подлецы и растрепанные личности в нынешних условиях живут хорошо, – бросила пожилая дама, не отрывая взгляда от отражения на стекле.

– Время ленивых бездельников и болтунов прошло, – парировала моя соседка.

– Невыносимо! – Пожилая дама принялась вылезать из-за столика. – Мне противно одним воздухом с ней дышать. Я поменяю место. – И вылетела из купе.

– Видели, какие у этой кобры ногти? – спросила нас миллионерша и сама же ответила: – Как у крокодила.

Теперь я могла рассмотреть соседку. Моего возраста, то есть в диапазоне уже за тридцать, но еще не пятьдесят. Модная стрижка, дорогой костюм, изящная сумочка. Упакована, как говорит мой сын, по высшему разряду, но провинциальный дух остался.

– Матушка моего первого мужа, – пояснила она. – Мы пять лет назад разошлись. Угораздило встретиться. Меня Таней зовут.

– Настя, – представилась лысая девушка.

– Людмила Алексеевна, – сказала я.

– Знаете, как эту величают? – Таня кивнула в угол, где только что восседала бывшая свекровь. – Марэна Виленовна. Представляете? Маркс, Энгельс, Владимир Ильич Ленин – полный революционный набор. Лицемеры!

Дверь купе поехала в сторону, и показалась наша попутчица. Мы с Настей как по команде уставились на ее руки. Ногти действительно чересчур выпуклые, но сами руки аристократически холеные.

– К сожалению, не удалось ни с кем обменяться, – посетовала Марэна Виленовна, обращаясь ко мне.

– Влипла как жук в навоз, – пожаловалась Татьяна Насте.

– Не собираюсь вести какие-либо разговоры с развратной особой, – заверила меня Марэна Виленовна.

– О чем можно говорить с человеком, у которого маразм начался в детском саду? – спросила Татьяна Настю.

Дальнейшее напоминало странный театр, в котором одновременно играют две пьесы. В обеих предусмотрены безмолвные персонажи (мы с Настей), атакуемые бывшей свекровью и экс-невесткой. Реплики они отпускали по очереди, но без промежутков и пауз. Татьяна рассказывала Насте историю своей жизни, Марэна Виленовна бросала мне в лицо

риторические вопросы и гневные умозаключения.

– Как называют женщину, которая тащит в постель сантехника, делающего ремонт в квартире? – звывала ко мне Марэна Виленовна.

– Мой муж по профессии инженер, – доверительно сообщила Насте Татьяна. – Прежде подрабатывал в ЖЭКе, а сейчас свою фирму по ремонту фасадов организовал. Он у меня трудяга и умница.

– Есть особы, оценивающие мужчин по размеру их кошелька и, извините, гениталий, – просветила меня Марэна Виленовна.

– Первый муж был тунеядец, каких свет не видывал, – делалась Татьяна с Настей. – Музыкант, на виолончели пиликал. Целыми днями на диване с книжечкой валялся.

– Примитивным натурам не дано понять высокое искусство, – ядовито усмехалась Марэна Виленовна.

– Мамаша его боготворила, – продолжала Таня, – что Юрий ни сделает, все правильно. В смысле, он ничего не делает – и это правильно.

– Музыкант должен беречь руки от грубой работы, а душу – от повседневной грязи, – непререкаемым тоном заявляла Марэна Виленовна.

– Грязь должна была я вывозить или чужой дядя, – вспоминала Таня. – Замок сломался – свекровь мне: «Найди мужика, чтобы починил», автомобиль помыть – «найди мужика», утюг отремонтировать – «найди мужика», гвоздь забить

– «найди мужика». Ну я и нашла настоящего мужика.

По ходу пьес мы узнали о Таниной вульгарности и о половой немощи ее первого мужа, слышали обвинения в дурном вкусе и в ханжестве, познакомились с нелицеприятной оценкой родственников с обеих сторон. У меня создалось впечатление, что они не пять лет назад, а вчера прервали свою кухонную брань. Сколько керосина осталось в запасе! Как азартно плескали его в огонь словесной схватки!

Настя делала мне знаки – мол, давайте выйдем. Она дождалась окончания тирады Марэны Виленовны и, не дав Тане открыть рот, вскочила:

– Извините, я на минутку!

Я дернула из купе вслед за Настей. Девушка ждала меня в коридоре.

– Вы курите? – Она протянула мне пачку сигарет.

– Нет, – сказала я и взяла сигарету. – Только чужие.

– Как вы думаете, они драться будут? – широко зевнув, спросила Настя, когда мы задымили в тамбуре.

– Только этого не хватало. Так мечтала отдохнуть, выспаться!

– Я вас знаю, – вдруг заявила Настя. – Я на психфаке учусь. Вы у параллельного потока матанализ читаете. А у нас Спиридонов. Жуть!

Я понимающе кивнула. Действительно, я читаю лекции по математическому анализу на психологическом факультете. Мой коллега Спиридонов называет их лекциями для куха-

рок. В том, что высшую математику поймут и кухарки, я не вижу ничего зазорного. На лекциях Спиридонова студенты либо засыпают, либо мучаются комплексом неполноценности по причине своей тупости. Совершенно напрасно – Спиридонова и академик бы не понял.

– Вашими лекциями торгуют, – сказала Настя. – Распечатка стоит сотню, а дискета восемьдесят. Но это в сессию, конечно. В начале семестра и за двадцатку можно купить.

Я тяжело вздохнула и пожала плечами: эх, в мой карман бы денежки.

– Думала, вы сами промышляете. – Настя верно истолковала выражение корыстной зависти на моем лице. – Послушайте, давайте нейтрализуем этих склочниц? Чертовски хочется спать, трое суток в Новгороде гудели. Я не дипломированный психолог, но кое-что в людишках понимаю. Надо их переориентировать.

И она изложила план, который показался мне чудовищным. Во-первых, из-за вульгарности сценария. Во-вторых, мне предлагалось актерствовать, чего я делать совершенно не умею.

– Ничего, – успокоила девушка, – я вас заведу.

От моих обвинений в неэтичности задуманного Настя отмахнулась:

– Вам что, спать не хочется? Они же до утра будут друг другу кости полоскать.

Мы вернулись в купе по очереди, с интервалом в несколько минут.

Я забилась в угол у окна и стала теребить салфетку на столе. Зачем согласилась участвовать в нелепом розыгрыше? Переживая, я не вслушивалась в смысл обвинительных реплик, которыми продолжали обмениваться наши попутчицы. Но тут Марэна Виленовна особенно громко взвизгнула мне в лицо:

– Можно подумать, сия особа специально села в поезд с целью трепать мне нервы!

– Очень надо! – возмутилась Таня.

– Это я села специально в этот поезд, – заявила Настя.

Все, началось.

Наши попутчицы уставились на девушку и хором спросили:

– Зачем?!

– Я хочу попросить Людмилу Алексеевну, чтобы она отдала мне своего мужа.

Таня и Марэна Виленовна перевели на меня удивленные взгляды.

– Что значит отдать? – проямлила я, накручивая салфетку на палец и боясь поднять глаза. – Он не котенок и не щенок.

– Он удивительный! Он талантливый! Он потрясающий мужчина! – пылко воскликнула Настя.

– Допустим, – вяло согласилась я. – Но все равно...

– Отдайте его мне! Саша любит меня!

– Петя, – поправила я Настю и подняла голову. – Прекратите этот спектакль, я отказываюсь в нем участвовать.

Но Настю было не остановить. Она принялась выстреливать фразы с пулеметной скоростью:

– Конечно, Петя, я от волнения ошиблась. Мы держали наши отношения в тайне. Петя очень уважает вас, но любит он меня! Вы умная женщина, неужели не замечали, как он страдает? Ведь он перед вами то заискивает, потому что винит себя и старается угодить, то злится, грубит и молчит целыми днями, потому что в вашей семье ему жизнь постыла. Он задерживается по вечерам, а в выходные уходит из дому, чтобы встретиться со мной!

– Они новый проект запускают, – едва слышно выдавила я, с ужасом сознавая справедливость Настиных слов.

– Бросьте! – махнула рукой девушка. – Его проект запускается в моей койке. Мы любим друг друга, и мы должны быть вместе. Жизнь проходит, ваша, можно сказать, уже прошла. Ну то есть не совсем как бы прошла, но с Петушком – точно.

– Петушком? – глупо переспросила я. – Перестаньте молоть чепуху! Она все выдумала, – обратилась я к Тане и Марэне Виленовне.

Но они, похоже, не верили и зачарованно переводили глаза с меня на Настю, как некоторое время назад мы на них.

– Разве можно такое выдумать? – искренне возмутилась Настя. – Петя мне рассказывал, как обязан вам. Вы диссертацию ему помогли написать и сейчас идейки подбрасываете. И ребенок, конечно. Петя волнуется, что развод отразится на ребенке...

– Не трогайте моего сына! Кошмар, идиотизм! Кто вам сказал про диссертацию?

– Петушок. И про ваше увлечение шахматами. Он их, между прочим, тоже любит, а играть совсем перестал. Очень приятно каждый раз жене проигрывать! Про то, как вы скандально храпели на соревнованиях, я тоже знаю.

Последняя фраза меня доконала. Значит, все правда, не розыгрыш? И Петино поведение в последнее время очень уж неровное: то он душка, то вредный монстр. И вечерами он задерживается, и в шахматы, будь они неладны, прекратил играть. Итак, у него есть любовница! Вот эта малолетняя шмакодявка.

– Вы! Вы... – задохнулась я от возмущения.

– Она же лысая! – поддержала меня Марэна Виленовна. – Не расстраивайтесь.

– Таких надо за ноги и головой об стенку! – Таня тоже была на моей стороне.

– Ах, вы не понимаете, – заломила руки Настя и трянула серьгой-браслетом. – Я хотела поговорить как женщина с

женщиной.

— Какая ты женщина? — взвилась Таня. — Глиста ты болотная, а не женщина! Сопля мелкоструйная!

— Девушка, вы разрушаете семью, — вступила Марэна Виленовна. — Мужчины в определенном возрасте иногда влюбляются в молоденьких, но это временное затмение. Вы не будете счастливы, поверьте моему опыту. Ведь Петушок, простите, Петр, не счел нужным афишировать ваши отношения?

Мою судьбу обсуждали без моего участия.

— Он боится ее. — Настя ткнула в меня пальцем. — А она что, женщина? Синий чулок! Строит из себя интеллектуалку. А какие книжки читает, видели?

У девочки-подростка оказались змеиные зубы. Но не признать правоту ее слов я не могла. В самом деле: выбирать наряды не умею, косметикой не пользуюсь, высоколитературным произведениям предпочитаю дамские романы.

Будет ли счастлив муж с такой мымрой? Нет! Он потянется за первой юбкой, соблазнительно покачивающейся на бедрах. Даже если эти бедра цыплячьего размера, а вместо юбки — старенькие джинсы.

Татьяна и Марэна Виленовна дружно, каждая на свой лад, песочили Настю. Я их не слушала. Срочно задействовала мыслительный логический аппарат, чтобы доказать или опровергнуть измену мужа. Анализировала его поступки, слова, реакции.

Что он недавно сказал о моей фигуре? «Ты такая аппетитненькая, как сдобное тесто». Убираем из оборота речи художественные излишества, в данном случае эпитет «аппетитненькая». Что остается? «Ты – как сдобное тесто». Хорош комплимент!

Нет, надо идти другим путем. Как говорят? «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Произведем дополнение в обеих частях равенства. «Скажи мне, как твой муж относится к твоим друзьям, и я скажу, как он относится к тебе». Петя называет мою подругу Ольгу душой, а подругу Лену душой во всех отношениях. Недавно, когда дура во всех отношениях, тьфу ты, Лена позвонила мне в половине второго ночи, чтобы поделиться горем разрыва с любимым человеком, мой муж поступил безобразно.

Лена рассказывает обо всем очень подробно: «Вот он вошел, стал переобуваться в тапочки, я сразу почувствовала, что между нами нет той связи...» и так далее. От меня требовалось только периодически вставлять: «Ага... ага».

Невелико самопожертвование, тем более что я взяла курсовые работы студентов и параллельно с «ага, ага» проверяла их. Через час Петя выхватил у меня трубку и рявкнул в нее: «Лена, моя жена давно спит, а пленку на магнитофоне с «ага, ага» заело».

Хамская выходка! Лена со мной неделю не разговаривала. Правда, Петя, отправив меня спать, сам проверил оставшиеся курсовые. Но я и не говорю, что он законченный злодей,

хорошие качества у него тоже есть.

Необходимо проанализировать его высказывания, сделанные в состоянии большого эмоционального напряжения. Пять дней назад он наорал на меня: «Людка! Если я вылью этот суп тебе на голову, запомнишь ты, наконец, что я люблю горячий, а не температуры остывшего трупа?!»

Рассмотрим его слова с точки зрения информационного посыла. Что здесь главное? Угроза: «Я тебе вылью суп на голову». Значит, я его так раздражаю, что ему хочется нанести мне физический вред.

Анализ семейной трагедии шел у меня неорганизованно, общей картины не получалось. Надо составить систему уравнений и посмотреть, сколько в них неизвестных.

К сожалению, возникала не система уравнений со многими неизвестными, а набор примитивных тождеств. Отказался есть яичницу, потому что я опять забыла положить в нее лук, равно: искал повод для ссоры. Накричал на сына из-за тройки по алгебре, равно: переносит неприязнь ко мне на ребенка. Сказал, что задержался у приятеля, пришел нетрезвый, равно: развлекался с лысой девушкой.

Пока я мысленно доказывала себе неверность своего же мужа, Марэна Виленовна и Таня призывали Настю не разрушать здоровую семью. В какой-то момент Марэну Виленовну прорвало на личные откровения, и она рассказала, как ее муж несколько десятилетий назад увлекся молоденькой девицей.

Повествование прерывали периодические восклицания Тани: «Да вы что? А он что? А вы что? Николай Михайлович? Никогда бы не поверила! А Юрик знал? Конечно, помню ту кикимору. Вот стерва! Марэна Виленовна, ну вам досталось!»

У самой Тани тоже было чем поделиться с бывшей свекровью:

– Мою двоюродную сестру Веру помните? Уехала она, значит, к матери в Таганрог. А муж ее на фирму перешел работать, деньжата появились. А там молоденькая секретарша. Шуры-муры, он вид делает, что состоятельный, хотя в долгах по маковку...

Настя выскользнула из купе. Наверное, пошла курить. И мне хотелось, но не стрелять же сигарету у любовницы мужа. Таня пересела на диванчик к Марэне Виленовне, и через минуту они ворковали как записные подружки.

Я отмела попытки сердобольных женщин утешать меня, постелила постель, легла носом к стенке. Через некоторое время уgomонились и остальные. Вернувшаяся Настя смиренным голосом пропищала:

– Большое спасибо за участие! Я должна подумать над вашими советами, – и забралась на верхнюю полку.

Прошел час, другой. Стучали колеса, на остановках я слышала ровное дыхание трех спящих женщин и ворочалась с боку на бок. Выстраиваемая мной система тождеств разрослась до гигантских размеров, что свидетельствовало об

ошибке в методе. Необходимо начать сначала, с поиска самого веского аргумента в Настиных речах. Такой аргумент был.

Я тихонько встала, подошла к Насте и стала трясти ее за плечо.

– Что? Что случилось? – спросила она, открыв глаза.

– Откуда ты знаешь, что я заснула на соревнованиях? – шепотом спросила я.

– Спиридонов рассказывал на семинаре, – тихо ответила Настя.

– Старый сплетник! – вырвалось у меня. – А то, что говорила о Пете?

– О каком Пете?

– О моем муже!

– Но мы же договорились! Здорово получилось, правда? Они прямо слились в экстазе. У меня был только один прокол с именем. И я не знала, есть ли у вас дети. Классно сработало! А как вы обманутую жену изображали! Станиславский прослезился бы. Вы мне лекции свои дадите?

Не отвечая, я вернулась на свою полку. Уснуть не смогла. Принялась высчитывать по формулам вероятность получить в следующей поездке идеальных попутчиков – непьющих глухонемых. Вероятность была ничтожно мала.

ОТЕЛЛО В ЮБКЕ

Лариса, учитель русского языка, поздней ночью на кухне проверяла диктанты. На столе высилась пирамида тетрадей учеников 6-х «А», «Б», «В» и «Г» классов. Днем на уроках Лариса восемь раз прочитала вслух один и тот же текст (дважды в каждом классе – в обычном темпе и медленно диктуя), теперь должна проверить сто двадцать вариантов написания этого текста. От такой работы можно либо чокнуться, либо получить положительный, как второе дыхание у спортсмена, сдвиг по фазе. Лариса блаженно «сдвинулась» после первых тридцати диктантов 6-го «Б». Теперь она не просто помнила наизусть отрывок из «Записок охотника» Тургенева – текст диктанта на сетчатке глаза отпечатался как эталонная матрица. Лариса открывала очередную тетрадку, не пробежала глазами строчки, накладывала эталон. Ошибки мгновенно вылезали, Лариса исправляла их, красной ручкой ставила оценку. Скорость работы многократно возросла. Диктант на «двойку» занимал десять секунд. На «хорошо» и «отлично» – пять секунд, включая открыть-закрыть тетрадь, отложить ее в сторону.

Руки Ларисы мелькали, как у работницы на конвейере: левая переворачивала страницы в тетрадях, правая орудовала красной ручкой. В данный момент главное, чтобы ее никто не отвлек, не сбил второе дыхание. Впрочем, мешать неко-

му: муж и сын спят, после полуночи телефон молчит. Лариса уже чувствовала приближение счастливого мгновения собственного отхода к Морфею. У нее приятно теплели плечо, бок и бедро – части тела, которыми она прильнет к мирно сопящему мужу. Слегка щекоталось ухо – скоро Лариса прикоснется им к Лешиной груди и будет слушать ровный надежный стук его сердца.

Непроверенными оставались диктанты 6-го «Г», когда раздался звонок в дверь. Матрица-шаблон мгновенно рассыпалась. Лариса застонала от досады: кого нелегкая принесла?

Принесло подругу Иру.

– Я убила Васю! – сообщила она не здороваясь.

– Убила так убила, – спокойно ответила Лариса. – Не ори, моих разбудишь.

– Зарезала мужа! Ножом по горлу! Ой-ой-ой! – голосила Ира. – Меня теперь в тюрьму! Дети сироты! Васечка мой любимый, что же я наделала!

– Проходи на кухню! Чего к порогу приросла?

Ира брела по коридору и продолжала твердить:

– Убила, зарезала, что теперь будет...

– Тебе чаю, водки или валерьянки? – спросила Лариса.

– Яду! Дай мне яд! Хочу умереть!

– Значит, водки.

Спокойная реакция Ларисы объяснялась не душевной черствостью, а характером дорогой подружки Ирочки. Если бы существовал рентген, который просвечивает сознание

человека, то на снимке Ирины были бы видны две резко отличающиеся зоны. Первая нормальная – все, что касается работы (Ирка парикмахер), воспитания детей (у нее сын и дочь), ведения хозяйства (почти образцового) и так далее. Вторая зона – полный шизофренический мрак, обозначающий ее патологическую ревность.

И по ночам Ирка уже прибегала. Объявляла, что с Васей разводится, и просила Ларису выступить на суде свидетельницей многочисленных измен мужа. Лариса решительно отказывалась: ничего криминального за Васей она не замечала. Да и вообще подозревала, что Васины грехопадения – плод больной Иркиной фантазии. «Я этот плод собственными глазами видела из окна! – утверждала Ира. – Вася домой через двор шел, к телефону-автомату свернул и кому-то позвонил. Ясно? Своей пассивности! Из квартиры побоялся. Потом врал, что забыл начальнику важную информацию передать, а тот в командировку уезжал».

Лариса плеснула в рюмку водки, взяла в другую руку стакан с компотом, повернулась к сидящей на табурете Ирине и только тогда заметила, что с ней действительно неладно. Волосы всклокочены, одета в ночную рубашку, на ногах комнатные тапочки, размокшие от уличной грязи, – в таком виде она мчалась два квартала. Взгляд безумный, руки ходуном ходят, зубы дробь выбивают.

– Ирка! – испугалась Лариса. – Ты что? В самом деле Васю... того?

Ира кивнула и затряслась пуще прежнего.

Лариса машинально опрокинула в рот водку, предназначенную подруге, задохнулась, запила компотом и потребовала:

– Расскажи все с самого начала.

– Он при-пришел, и я сра-сразу, – заикалась Ира, – сразу почувствовала, что от него пахнет чужими ду-духами.

– И ты закатила истерику?

– Да.

– А дети?

– Они у ма-мамы.

– Долго ругались?

– Часа д-два.

– Васины аргументы? Только точные его слова, а не твоя версия.

– Он сказал, что заключил выгодный контракт, и теперь их фи-фирма на год работой обеспечена.

– Что дальше?

– Обозвал меня ду-дурой и ушел спать.

– Происхождение чужих запахов объяснил?

– Сказал, что на радостях в ко-конторе все тетki его обнимали и целовали.

Картина преступления, как выяснила Лариса, выглядела следующим образом. В ванной в грязном белье Ирка обнаружила Васину рубашку с отчетливыми следами губной помады на воротнике. И на Ирку нашло затмение. Она рванула

на кухню, схватила нож, бросилась в спальню, где и полоснула мужа по шее.

– Может, ты его не по-полностью? И не до-до конца убила?

Лариса тоже стала дрожать и заикаться от страха. Обеих подружек точно в электророзетку воткнули.

– Я кро-кровь видела. Я убийца.

– Во-водки хочешь?

– Нет, во-воды.

Ирина вдруг стала лихорадочно чесать уши, толкать в них пальцы, вытаскивать и рассматривать, поднося к носу.

– Ты че-чего? – спросила Лариса.

– Ви-видишь? Нет? А я чу-чувствую, из меня мозги и ум вы-вытекают.

Лариса бросилась в спальню. Вид спящего, рокочуще храпящего, полностью живого Леша показался ей прекрасным. Но умиляться времени не было. Она сорвала с мужа одеяло:

– Проснись! Ирка мужа убила!

– Очень хорошо, – пробормотал Леша. – Отмучился мужик. – И перевернулся на другой бок.

Лариса возмущенно полезла на кровать, стоя на четвереньках, закричала мужу в ухо:

– Она правда его убила! Леша! Проснись, бесчувственный чурбан! Там Вася в море крови плавает, у Ирки крыша едет, а ты дрыхнешь!

– Не ори! – Леша сел на кровати. – Который час?

– Половина первого. Ирка мужа зарезала! Ножом по горлу, вжик! – Лариса ребром ладони чирканула по шее. – И все!

– Откуда ты знаешь?

– Она у нас на кухне сидит. Разум от горя теряет!

– Невозможно потерять то, чего не имеешь, – буркнул Леша и стал одеваться.

Пришел на кухню, посмотрел на сидящих рядом Ирину и Ларису. Поют на два голоса, а эти на две челюсти дробь отбивали.

– Дрожите? – Леша зло погрозил пальцем. – Раньше надо было дрожать!

Он почему-то объединил их в одну преступную группу.

– Пошли! – скомандовал Леша, развернулся и двинул в прихожую.

Женщины с торопливой готовностью подхватились за ним.

– Куда идем? – спрашивала Лариса мужа в спину, когда они спускались по лестнице. – В милицию?

– Там видно будет, – отрезал Леша.

По темной улице он шагал первым, Лариса с Ириной трусили следом на почтительном расстоянии – метра в три. Никто не сообразил, что на улице зябко и слякотно, не мешало бы переобуться и накинуть пальто. К нервной лихорадке Ирины и Ларисы добавился озноб холода, и они дрожали так, будто электрическая сеть, к которой их подключили,

питается от высоковольтной линии. Леша тоже подрагивал – от мороза, естественно, а не от предчувствия кошмаров, поджидающих в Иркином доме.

Дверь в квартиру оказалась незапертой. Дальше прихожей Лариса с подругой не смогли заставить себя пройти. Вцепились друг в друга и застыли у вешалки. Леша, бормоча под нос ругательства, на место преступления отправился один. Лариса Ирину подбадривала, говорила, мол, адвоката хорошего найдем, что подруга была в состоянии аффекта, а это смягчающее обстоятельство, детей поможем воспитывать, передачи в тюрьму будем слать. Ира не слушала. Напряженно, вывернув шею, ловила звуки из спальни.

– Идите сюда! – наконец позвал Леша. Подруги отреагировали с точностью до наоборот: стали пятиться спиной к входной двери.

– Кому я сказал! – Леша выглянул из спальни. – Идите сюда!

Ира и Лариса продолжили отступление. Врезались спинами в металлическую дверь и стали втираться в нее, словно хотели протиснуться сквозь броню на свободу.

– Трусите! – презрительно констатировал Леша. – Как дурую маяться, так вы первые. А как ответ держать, так сразу в кусты. Вперед шагом марш!

Подруги по-солдатски подчинились команде, отлипли от двери и сделали маленький шаг вперед. Они семенили, тесно прижавшись друг к другу, напоминая сиамских близне-

цов, сросшихся от плеча до бедра, дрожащих одной на двоих крупной дрожью.

Лариса, переступив порог спальни, зажмурила глаза и открыла, только услышав голос Леши:

– Ну, и где он?

Разобранная постель. Пустая! Васи нет, но на подушке следы крови.

«Сиамские близнецы» перестали дрожать, распались на две самостоятельные части, и у каждой появились вопросы.

– Если труп увезли в морг, то здесь должна быть милиция, – недоумевала Лариса. – Где следователи?

– Где мой Вася? – прошептала Ирина. Закатив глаза, она стала медленно валиться набок. Лариса и Леша успели подхватить ее, уложили на постель.

– Эй, душегубка! – Леша похлопал Ирину по щекам. – Кончай обмороки!

Ирина очнулась, заговорила слабым голосом, монотонно, без интонаций и пауз:

– Где мой Вася, где мой Вася, где мой Вася...

Она смотрела в потолок, а из ее глаз лились слезы. Ларисе показалось, что ручейки соленой влаги могут оставить на щеках ржавые полосы, какие вода из сорванных кранов оставляет на раковине, – настолько неиссякаемым и бесконечным выглядело горе Ирины. Даже Лешино суровое сердце дрогнуло.

– Дай ей чего-нибудь успокоительного, – велел он жене.

Почесал затылок, глядя на безучастную Ирину, добавил: – Или возбуждающего.

Леша отправился звонить по телефону. Ирина продолжала твердить: «Где мой Вася...» Ларису тоже заклинило на одной фразе. Сегодня, то есть уже вчера, смотрела передачу про здоровье, и там врач раз десять повторил, что лечение любого заболевания должно быть комплексным.

«Комплексно, комплексно...» – бормотала Лариса, приготавливая адскую смесь. Из бара взяла коньяк, налила в стакан на три пальца. Достала коробку с пилюлями и микстурами. Для подслеповатой Иркиной свекрови на каждой бутылочке было крупными буквами черным фломастером написано назначение каждого лекарства. Задача Ларисы упростилась. Три пузырька обозначены как «против сердца». Из каждого Лариса накапала в коньяк по двадцать капель. Добавила десять капель из бутылочки «от печени», потому что все лекарства на печень действуют. Задумалась над «слабительным» и все-таки отставила в сторону. Растолкла в порошок четыре таблетки: «от нервов», «от сильных нервов», «для хорошей мозговой деятельности» и «чтобы голова не кружилась» – высыпала все в коньяк. Какое в данный момент давление у Ирины, Лариса не знала, поэтому для надежности содержимое двух капсул «против высокого» и «против низкого» давления включила. Уже шла к Ирине со стаканом, остановилась на полпути, вернулась и добавила в раствор «противоаллергическое».

Когда Ирина, принуждаемая Ларисой, выпила адскую смесь, то перестала плакать, твердить свое заклинание про Васю, вытаращила глаза и принялась икать. Причем с каждым иком глаза ее все больше выкатывались из орбит.

«Я ее отравила!» – испугалась Лариса. Бросилась к телефону, но его занимал Леша.

– С кем ты разговариваешь? – воскликнула Лариса.

– С больницей.

– Годится! – обрадовалась она и выхватила у мужа трубку. – Здравствуйте! Здесь женщине плохо, я ей дала комплексно: коньяк...

Лариса закончила перечислять, и на том конце провода сказали, что у нее, у Ларисы, не все дома, и велели срочно промыть желудок бедной женщине, которая аптеку проглотила.

Ирина и сама уже брела к ванной, шатаясь от стены к стене и сотрясаясь от икоты. Лариса поспешила на помощь.

Когда освобожденная от комплексного лечения, умытая и переодетая, поддерживаемая Ларисой Ирина вернулась в спальню и рухнула на кровать, появился Леша.

Он выдержал театральную паузу, ухмыльнулся и заявил:

– Есть две новости: плохая и хорошая. С какой начинать?

– С хорошей, – ответили хором подружки.

– Вася жив, находится в больнице, состояние средней тяжести. В данный момент в операционной. Горло ему зашивают. Артерии не задеты. На твое счастье, Отелла, ты только

кожу ему поранила.

До плохой новости добрались не сразу, потому что несколько минут подруги выражали бурную радость. Лариса – громкими возгласами, Ирина – тихим счастливым верещанием.

– Рано веселитесь, – злорадно заметил Леша. – Дело подсудное. В милицию уже сообщили. На тебя, Ирочка, уголовное дело заведут. Попытка убийства как-никак.

– Согласна! – Ирка молитвенно сложила руки, словно суд уже вынес ей приговор. – Я на все согласна! Только бы он, мой голубчик, жив остался! – И разразилась рыданиями, теперь уже счастливыми.

Леша махнул рукой и ушел в другую комнату смотреть ночной телевизионный канал. Лариса утешала подругу. Никакой химии – только гладила по руке и произносила ласковые сочувственные слова. Очевидно, какая-то часть лекарственного коктейля все-таки задержалась в организме Ирины. Она довольно быстро от рыданий перешла к плачу, затем к всхлипыванию, потом к мирному сопению.

Леша и Лариса отправились домой. На всякий случай забрали с собой печальное напоминание о случившемся – подушку со следами крови.

Ударил морозец, асфальт на тротуаре схватился ледяной корочкой. Одеты они были легко, быстро трусили, постоянно поскальзывались, теряли равновесие, поддерживали друг друга.

– Слушай, – вдруг прокляцал зубами Леша, – а почему ты меня никогда вот так, по-мавритански, понимаешь, не ревновала?

– А был повод? – ахнула Лариса, затормозила, и ноги ее разъехались на полушпагат.

– Повод не важен, – попенял Леша, возвращая жену в исходное положение, – важно чувство!

– Я тебе покажу чувство! – заорала Лариса. – Все вы! Резать вас не перерезать! – И ударила Лешу подушкой по голове.

Пока он мелко, как полотер, шаркал вперед-назад ногами, чтобы не упасть, Лариса гордо зашагала вперед. И чуть не свалилась. Потому что в спину ей врезалась подушка, пущенная со словами:

– Свет не карает заблуждений, но тайны требует от них.

– Тайны? – возмутилась Лариса, подняла подушку с земли и отправила точно в мужа. – Вот тебе за тайны!

– Это не я! – вопил Леша. – Это Пушкин сказал!

За Пушкина ему тоже досталось. Несколько раз они падали, поодиночке и вместе, подушка трижды улетала мимо цели, наволочка из белой превратилась в серую. Они не замечали, что в голос хохочут, весело кричат на сонной улице. Пока не распахнулось какое-то окно и старческий голос не прокричал:

– Черти! Чтоб вы все переженились!

Леша и Лариса не могли последовать совету, так как были

женаты десять лет; и столько же времени не целовались в подъезде. А тут вдруг, не дойдя двух лестничных пролетов до своей квартиры, обнялись и, как в юности, не могли ни оторваться друг от друга, ни шагу сделать. Вот до чего стресс доводит!

Диктанты 6-го «Г» Лариса проверяла на следующий день в спешке – на перемене между уроками. Поставила подозрительно много хороших оценок.

Ирина, конечно, дни и ночи пропадала в больнице. Но не в палате – туда ей путь был заказан, а в коридоре на обзрении всего медперсонала, который быстро вошел в курс дела и постепенно проникся к жене-ревнивице соболезнаваниями и принимал горячее участие в примирении супругов.

Вася, лежащий на койке с перебинтованной шеей, разговаривать с Иркой не желал. Вернее, он произносил только два слова, но с упорной настойчивостью:

– Пошла вон!

Ирка чего только не говорила, как только не каялась, а он знай шипел:

– Пошла вон!

Так она и сидела на стульчике, принесенном сердобольной сестричкой, у дверей палаты. Точно кающаяся грешница. Народ с любопытством ожидал развития событий, которые упрямый Вася не желал развивать. Только один раз, после визита к нему следователя, Вася отступил от ритуального «Пошла вон!» и процедил:

– Пусть Лариса придет.

К визиту Лариса готовилась, то есть мысленно репетировала речь. Мол, Вася, тебя понять можно, но и Ирку пожалей, она осознала, неделю уже сидит под дверью и плачет горячими слезами, у вас дети, квартира и дачный участок, прости ее, дурочку, вот и мой Леша мавританской страсти твоей жены завидует.

Но все слова застряли у Ларисы в глотке, когда она увидела несчастную жертву пылкой ревности с забинтованной шеей. Вместо того чтобы убеждать Васю простить жену, Лариса кусала губы, удерживая смех.

– Насмехаешься? Весело? – процедил Вася. – Давай, давай! Когда твою подружку в тюрьму поведут, животик надорвешь!

– Вася! Мы же не допустим? – Лариса мгновенно посерьезнела, принялась лебезить. – Вася! Что ты, Ирку не знаешь?

– Знаю, – вздохнул он горько. – Слушай меня внимательно. Следователь нормальный мужик. Я ему версию выдал: будто брился и нечаянно порезался. Представляешь, каким идиотом по милости твоей подружки выгляжу? В полночь бреюсь и полосую себя по горлу! Ладно, проехали. В общем, скажешь ей так: она ничего не знает, ничего не делала, за нож не хваталась, кровь увидела, испугалась и бросилась к тебе. Понятно?

– Версия шита белыми нитками.

– Ясен пень! Все же знают, как было дело! Все! Милиция, соседи, врачи, мои сослуживцы! Думаешь, Ирке хватило ума язык за зубами держать?

– Она очень раскаивается! – заверила Лариса.

Вася скривился:

– Эта дурочка ничего не может толком сделать! Даже за-резать! Что может быть смешнее недорезанного мужа? Не знаешь? То-то! Все потешаются! Только глянут на меня – рот до ушей, а то и в голос ржут. Думаешь, приятно?

– Вася, а ты ее быстренько извини! Вы сольетесь в безбрежной любви, народ обольется слезами умиления, а?

– Нет! – отрезал он. – Не прощу! Я ей не клоун и не попка в клетке. Сколько лет терпел! Ладно, думал, ревность – это у нее внутренний недостаток, вроде косоглазия. Нехорошо обижаться на человека за то, что у него глаза в разные стороны смотрят. Но после того, как она меня перед всем миром идиотом выставила? Не прощу!

Странное дело, но Вася действительно не столько был обижен попыткой убийства, сколько тем, что превратился в объект насмешек и косых взглядов.

– Вася, – не сдержала любопытства Лариса, – а ты безвинно пострадал или все-таки у тебя с кем-то было?

Вася залился краской, раздулся от возмущения так, что швы могли лопнуть, приподнялся и заорал:

– Пошла вон!

Лариса пулей вылетела из палаты. За дверью Ирина на-

бросилась с вопросами. Но что могла сказать Лариса? Только провести подробный инструктаж, как обмануть милицию и следствие.

Через десять дней Васю выписали. Он вернулся домой, но продолжал бойкотировать жену. Ира перед мужем на цыпочках ходила, он на нее – ноль внимания. На вопросы не отвечал, в разговор не вступал, относился, как к мебели – стоит на пути, обойдет. Ира от раскаяния чахла и стремительно теряла клиенток, которые вместо стильных причесок получали теперь недоразумение на всю голову.

Как-то Ирина сидела у Ларисы и жаловалась на холодность мужа. Говорила, что сейчас любит Васю еще больше, что он, когда суровый, красивее артиста Ланового в молодости, но пусть уж лучше не такой прекрасный, зато добрый и разговаривает, а не молчит. На работе сплошные накладки – сегодня клиентка просила «каре на ножке», а Ира сделала без ножки, вчера химию передержала...

Взгляд Иры упал на раскрытую ученическую тетрадь. До прихода подруги Лариса проверяла самостоятельные работы по разбору существительных как частей речи.

– «Чучело, – прочитала Ирина, – женского рода, единственного числа, неодушевленное». Точно про меня! Женского рода и уже столько дней неодушевленная!

– Там ошибка, – возразила Лариса. – Чучело среднего рода.

– Видишь? – покорно кивнула Ирина. – До чего я дошла!

До среднего рода.

– Так продолжаться не может! – Лариса решительно направилась в комнату, где муж читал газету.

– Леша! В конце концов, ты мужчина! – заявила Лариса.

– Зачем твоей дорогой подружке мужчина? – спросил Леша не отрываясь от газеты.

Он уже часа полтора фоном слышал женское «бу-бу-бу» с кухни. Дружат с детского сада, лет тридцать. И тридцать лет они разговаривают! Безостановочно!

– Ты как мужчина, – пояснила Лариса, – должен дать Ирине совет против Васи как, в свою очередь, тоже мужчины.

– Больше я ничего не должен? – возмутился Леша.

– Есть другой вариант, – задумчиво отозвалась Лариса, – ты разговариваешь с Васей, объясняешь ему, как он не прав, третируя жену!

– По-моему, Вася готов каждому, кто только вспомнит эту историю, двинуть в челюсть.

– Отлично! Значит, ты выбрал мужской совет?!

Леша ничего не выбирал, но, когда жена потянула его за руку на кухню, не сопротивлялся. Все равно не отстанут.

Он прислонился к косяку двери и едва сдержал ухмылку: две женщины смотрели на него с затаенной надеждой, как на оракула.

– Ирина! – торжественно объявил Леша. – Даю рекомендацию. Бесценную, хотя и бесплатную. Поклянись мужу, что больше никогда сцен не будешь устраивать.

– Тысячу раз клялась! – заверила Ирка.

– Э, нет! – покачал головой Леша. – Ты предметно поклянись. Например, скажи: «Вася, теперь если я случайно застаю тебя в постели с другой женщиной, то пойду готовить вам кофе. Клянусь!»

Лариса с Ирой потеряли дар речи. Ирину поразило, какой жестокой может быть клятва. А Ларису потрясло выражение лица мужа, когда он произносил рекомендацию. Потаенная мечта – вот что читалось на его лице!

– Бессовестный! – прошипела Лариса.

– Большое спасибо, Леша! – поблагодарила Ирина.

Она все сделала, как советовал Леша, и от себя добавила:

– Вася, я даже кофе в постель вам могу принести! Клянусь!

Вася был настолько потрясен, что скала его молчания треснула.

– У тебя крыша поехала? – спросил он Иру. Она не растерялась и тут же ринулась расшатывать трещину, оговаривая уступки:

– Только не мог бы ты, Вася, когда девушек домой приводить будешь, предупреждать заранее, чтобы я детей к маме отправляла?

И ведь она не шутила! Она морально была готова к подвигу. Вася это прекрасно понял. Он схватился за голову руками:

– Дура! Какая же ты у меня дура!

«Простил!» – поняла Ира и бросилась Васе на шею.

Ревность ее с тех пор как ножом (тем самым?) отрезало. И если порой случались легкие приступы бывшего недуга, Вася ей пальцем грозил:

– А кофе в постель? Забыла?

ГОРОШИНА ТРОТИЛА

Ирина прямо с порога спросила меня:

– Света! Как ты могла?

– А ты сама? Не строй из себя! Не святая! Кто у меня парня увел?

Но Ирина, оказывается, ничего не помнила! Смотрела на меня, как на взбесившуюся собаку. Ну, вроде той, что вчера хвостом крутила и руки лизала, а сегодня пена изо рта и кусает всех подряд. Да, я показала ей клыки, потому что провалами памяти не страдаю и обид не забываю.

Ирка на два года меня младше. Мы с детства живем на одной лестничной площадке, двери – напротив. Но особо никогда не дружили. Ирка – рохля, квашня и плакса. Умывалась слезами над книжками. Вроде той, что про Бима – не то черное, не то белое ухо. А я на спорт – легкую атлетику – налегала. Она поступила в музыкальное училище, я – в медицинское.

С молоденьким ординатором Сергеем я познакомилась в больнице на практике. Он мне сразу понравился: веселый и, хотя внешне не богатырь, двуличный. В той больнице было, как на фронте: везут и везут на «скорой» народ с травмами. Из процедурной не выйти, в туалет не сбегать, чаю не попить. Сергей по восемь часов стоял у операционного стола и еще шутил, нас подбадривал.

Но рассчитывать на то, что после дежурства он станет ухаживать и заигрывать, конечно, не приходилось. Поэтому я сама его пригласила.

У Ирки был день рождения. Подарочек ей преподнесла! Они как увидели друг друга, так оторвать взглядов не могли, все другие гости точно испарились. А они точно намагниченные. И потом каждый день мне глаза мозолили: ходили за ручку, целовались в подъезде. Главное – все время смеялись или улыбались. Как ни увижу – веселятся. Чему, спрашивается? Поженились и продолжали улыбаться, будто блаженные.

Я тоже вскорости замуж вышла. Но неудачно. Года после свадьбы не прошло, а мы уже так ругались, что соседи по батареям стучали. Пять лет прожили, как кошка с собакой. Конкретно даже не скажу, что меня в муже не устраивало. Все не устраивало! Зарабатывал три копейки, а гонору – на миллион. И вагон претензий: ты – грубая, ты – резкая, ты – плохая мать и хозяйка. Еще на Ирку указывал: вот, мол, идеальная женщина. Я за словом в карман тоже не лезла. Да если бы у меня муж был ведущий хирург, а не пропойца-автослесарь, вы бы на меня посмотрели! Развели нас быстро, потому что на суде муж сказал: «Я не могу жить с этой коброй», а я в ответ его мешком дерьма назвала.

И тут у меня нарисовалась проблема. Сын Валерка оказался совершенно не детсадовским ребенком. В папу пошел в плане любви к истерикам. Отведу Валерку в садик, а он

там сидит в углу целый день и ревет: «Хочу к маме! Где моя мама?» Три месяца ревел, пока воспитатели не сдались. Забирайте, говорят, это – не детсадовский мальчик. Родители мои, как назло, уехали в деревню. Видите ли, на пенсии хотели пожить по-человечески. А я на хорошую работу устроилась – медсестрой в психиатрической клинике. Платят по повышенной ставке, с надбавками, никаких операций и перевязок. Хотя свои тонкости имеются. Врач назначит психу одну таблетку, а ты даешь на ночь три штуки. И он спит, как убитый, и ты отдыхаешь.

У Ирки и Сергея в тому времени уже трое детей было. После первой девочки решили второго завести, а родилась двойня мальчиков. Ирка мечтала о консерватории забыла. Куда ей! С тремя-то детьми и больной свекровью, которая с кровати не вставала. Ирка сама предложила: приводи ко мне Валерика, где трое, там и четверо. Меня это, конечно, выручило. И Валерка любил Ирку, «моя Илочка» называл. Еще положительно, что Ирка с детьми занималась, читать учила и музыке. Когда только успевала?

Я ей деньги предлагала – отказалась. Потом я хотела Ирке ценные подарки сделать, опять не сложилось. Куплю вазу хрустальную, поставлю на свой стол – как прописанная она в моей квартире, а у Ирки дети носятся, разобьют. Или сапоги Ирке зимние были нужны. Я купила – отличные на натуральном меху, лучше моих собственных. Но куда Ирке ходить? А я все-таки работаю, не дома сижу. Таскать им коробки кон-

фет да бутылки коньяка, которые родственники пациентов дарят, глупо. Этого добра у них должно быть навалом. Сергея больные на руках носили.

И вот однажды забираю я от соседей Валерку и вижу, что Ирка и Сергей хмурые, не улыбаются, глаза прячут. Отулыбались наконец! Поссорились, наверное. Не все коту масленица. Я Ирку в коридор позвала.

– Из-за чего, – спрашиваю, – поцапались?

– Не важно, – отвечает, – мелочи.

Не захотела со мной делиться, не удостоила. А у самой от этих «мелочей» глаза на мокром месте и носом все время шмыгает.

Потом я в глазок увидела, что Сергей курит на лестничной площадке. Довела его «идеальная женщина» – он раньше сигарет в рот не брал. Я открыла дверь и пригласила Сергея: заходи, вместе подымим.

На жену он мне не жаловался, но от водки не отказался. И как-то быстро напился, я его, хихикающего, в спальню чуть не на себе тащила. Какой мужик! Мой бывший супруг в пьяном виде был абсолютным слабаком, да и в трезвом не блистал. А этот – герой! Лыка не вяжет, но егорит будь здоров. Везет же дурочкам!

Утром я не слышала, как Сергей ушел. А через некоторое время заявила Ирка: «Света, как ты могла?» Как, как... Легко! Подумаешь, принцесса на горошине! А я тебе – горошину тротила под матрас, чтобы знала, как остальным бабам

приходится!

Словом, я Ирке выдала все, что думаю о ней и о ее благоверном, который язык за зубами держать не может. Потом, правда, поостыла и даже пожалела о случившемся. Куда теперь Валерку девать?

Сына к родителям в деревню отвезла – там свежий воздух и молоко парное, а мне личную жизнь надо устраивать. Что у соседей за стеной происходило, не знаю. Если и ругались, то тихо, не как мы с бывшим муженьком. Со мной они не здоровались. Ирка глаза прятала и норовила быстро проскользнуть мимо, когда мы сталкивались. А Сергей прямо смотрел и с таким презрением – ой, ой, ой! Сейчас испепелюсь под его взглядом! Чихала я на его презрение! Мужики все-таки – неблагодарные сволочи. Я его пригрела, можно сказать, утешила, а он нос воротит. Потом у него мама умерла, меня даже на поминки не позвали, хотя тьма народу была.

Мой бывший тоже фрукт! Алименты платил только с зарплаты, а с приработков – дулю! День и ночь халтурил, а сыну – ни копейки. Мне, говорит, новую семью и ребенка (дочка у него родилась) обеспечивать надо, а ты Валерку в деревню сбагрила. А вот это не его дело! Он меня матерью-одиночкой бросил! Я к адвокату ходила консультироваться, только деньги напрасно выбросила, по закону бывшего мужика не прищучить. Но не на ту попали! Сама сообразила. Пригрозила бывшему, что в налоговую на него донесу. Помогло, стал отстегивать, как миленький.

Прошло несколько месяцев. Я с интересным мужчиной познакомилась. Брат одной нашей пациентки. Состоятельный, деньги мне все время совал: присмотрите за моей сестричкой. А за ней смотреть без толку – психически больная на всю голову, но тихая, мухи не обидит. Игорь, так брата звали, очень ко мне проникся, в ресторан сводил, духи французские подарил. Все культурно: к дому на машине подвез, в квартиру не поднялся, руку на прощание поцеловал. Когда он в очередной раз пришел сестру навещать, я его к себе на ужин пригласила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.